ИЮЛЬ 7/89

Ровесник

ISSN 0131-5994

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 Г

ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 200 ЛЕТ

ВОПРОСЫ СВЕРСТНИКОВ — ОТВЕТЫ СВЕРСТНИКАМ

Весной этого года в Мурманске состоялся семинар представителей неформальных молодежных организаций, где обсуждались возможности политической деятельности молодежи в Советском Союзе. «Ровесник» предложил свою помощь: вам интересен опыт зарубежных молодежных организаций! Задавайте ваши вопросы. Корреспондент «Ровесника» Владимир СИМОНОВ записал вопросы и адресовал их активистам Либерально-радикальной молодежи Швейцарии и Гринпис — двух довольно типичных, на наш взгляд, западных организаций: первая — политическая, вторая — экологическая.

Олег ФОЧКИН: Нужен ли западной молодежи закон о деятельности молодежных организаций?

Марина МАДЗОНИ, Либерально-радикальная молодежь Швейцарии: Нет, не нужен. У молодежных организаций те же права, что и у всех других. Есть у нас, правда, закон о льготах для молодежи, где, во-первых, оговаривается материальная поддержка молодежных организаций со стороны правительства. Но так делалось и раньше, а теперь эта поддержка узаконена. Во-вторых, по этому закону активистам молодежных организаций предоставляется дополнительный оплачиваемый отпуск на неделю.

Дмитрий РАППА: Существует ли в руководстве западных молодежных организаций бюрократия?

Кристиан БОЛЛИГЕР, Либерально-радикальная молодежь Швейцарии: В нашей организации не существует. Единственный оплачиваемый управленец — это секретарь, который работает полдня. Мы руководствуемся программой действий, каждые четыре года мы обсуждаем ее на нашем съезде, а в остальном у местных кантональных организаций полная свобода действий.

Даниель ЛАКК, Либерально-радикальная молодежь Швейцарии: У нас федеративная структура и практически отсутствует централизованное руководство, а так как в кантональной организации куда меньше членов, чем во всей организации (всего нас шесть тысяч человек), проблема управления не представляет собой сложности: все друг друга знают и общаются меж собой. Все администрирование состоит в том, что секретарь координирует действия активистов, работающих самостоятельно. Никто и ни на что не должен спрашивать разрешение, а просто берет всю ответственность на себя. Правда, бывают такие проблемы, решить которые не под силу в одиночку. На этот случай и созываются общие собрания организации кантона.

Якоб ЛАГЕРКРАНЦ, активист Гринпис, Швеция: Хотя формально Гринпис не является молодежной организацией — в движении участвуют люди всех возрастов, большинство же — молодежь, но главное то, что характер нашей деятельности исключительно молодежный. Гринпис — организация, способная на конкретные дела, изменяющие положение вещей. Гринпис абсолютно чуждо понятие бюрократизма. У нас нет времени ждать: надвигающаяся экологическая катастрофа — реальность. Работу двух с половиной миллионов активистов Гринпис координируют четыреста оплачиваемых функционеров из тридцати пяти офисов в двадцати двух странах мира. Это не администраторы-управленцы, а практики, непосредственно работающие с людьми при подготовке и проведении различных мероприятий, организуемых Гринпис.

Олег АНДРЕЕВ: Насколько зависима молодежная организация от партии, к которой она принадлежит?

Андреас ТАДНЕР, Либерально-радикальная молодежь Швейцарии: Каких-то конкретных предписаний, указаний, как действовать, от партии мы не получаем. В этом смысле мы полностью независимы. С другой стороны, мы имеем своих представителей в партийном руководстве, принимаем участие в разработке программы партии, и очень многие ее пункты практически вписываются нами. Если даже партийная комиссия отвергает наши предложения, мы выносим их на съезде партии, принимающем программу. Что касается разногласий между молодежной организацией и партией, то они порой возникают, и довольно серьезные.

Может сложиться и такая ситуация, когда один и тот же вопрос обсуждается и в партийной, и в молодежной организациях, а решения — разные. Тогда молодежная организация руководствуется своим решением, действует по своему усмотрению, самостоятельно.

Андрей ОЖАРОВСКИЙ: Как в западных молодежных организациях добиваются единства действий при плюрализме мнений?

Олег АНДРЕЕВ: Каковы источники финансирования молодежной организации?

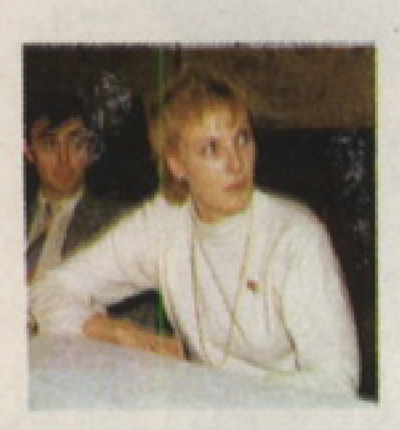

Томас МАРТИ, Либерально-радикальная молодежь Швейцарии: Членские взносы. Кроме того, наша Радикально-демократическая партия помогает нам материально: деньги распределяются по кантональным организациям в зависимости от мероприятий, которые те проводят. Еще один источник — правительственная субсидия, ее размер тоже зависит от количества и качества мероприятий, что мы проводим. Сумму определяет правительственное объединение — Национальный картель молодежных организаций Швейцарии, куда входят девяносто две организации — не только политические, но и религиозные, профсоюзные, спортивные. Руководство картеля решает, кому и сколько денег дать.

Якоб ЛАГЕРКРАНЦ: Я думаю, сила Гринпис в том, что она полностью независима, не принадлежит ни к какой партии, не придерживается никакой идеологии. Мы работаем на общечеловеческие интересы со всеми правительствами: коммунистическое ли правительство, капиталистическое ли — для нас никакой разницы, окружающая среда для всех одна. Мы отказываемся брать деньги у правительств, партий, больших компаний, которые могли бы оказать давление на нашу деятельность. Наши фонды пополняются за счет различных благотворительных и общественных организаций, также мы проводим мероприятия по сбору средств.

Геннадий КАГАНОВИЧ: Есть ли идея, какую активисты молодежного движения не осмеливались бы высказывать вслух?

Катарина ЛУХСИНГЕР, Либерально-радикальная молодежь Швейцарии: Трудно себе представить такую ситуацию. Свобода слова закреплена конституцией. Говорить разрешается все, что угодно, но, если, допустим, человек проповедует нацистские взгляды, такому человеку будет труднее сделать карьеру из-за плохого отношения к нему начальства и сослуживцев. У нас нет закона, преследующего за какие бы то ни было взгляды, речь лишь о конкретных ситуациях — это вопрос на уровне житейских симпатий и антипатий.

Евгений СУДАКОВ: Могут ли молодежные организации воздействовать на правительство?

Якоб ЛАГЕРКРАНЦ: Политики нуждаются в нас, людях, которые заставляют их реагировать на нужды реальности. Мы ведем большую исследовательскую работу и информируем общественность, как обстоят дела с окружающей средой, какие меры необходимо принять. Мы пытаемся влиять на общественное мнение: чем больше людей нам удастся убедить, тем легче будет воздействовать на политиков, от которых зависит принятие решений. Иногда наши действия входят в противоречия с законами, существующими в той или иной стране, хотя мы всячески стараемся этого избегать; главный принцип нашей деятельности — ненасилие. Я бы привел такое сравнение: переходить улицу на красный свет запрещено, но если ты спасаешь от автомобиля ребенка, то в данном случае нарушение правил дорожного движения оправдано. Перед нами же задача — спасать планету.

Начиная с 1972 года кое-что нам уже удалось: французское правительство прекратило ядерные испытания в атмосфере в зоне Тихого океана; страны ЕЭС наложили запрет на импорт шкурок тюленей, что остановило истребление этих животных; большинство стран, включая Советский Союз, прекратили китобойный промысел; страны подписали конвенцию, запрещающую сброс радиоактивных отходов в воды океанов...

Фото А. ЧЕРНИКОВА

На первой странице обложки: рисунок французского художника Шарля-Эрика Гоньи. Его красочные работы сопровождают «Дневник юного парижанина Антуана Вербуа», с окончанием которого читатели познакомятся в этом номере.

В НОМЕРЕ:

Ровесник 7/89

Главный редактор
А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, С. В. КОЗИЦКИЙ, В. Б. МИЛЮТЕНКО, В. П. МОШНЯГА, Н. Н. РУДНИЦКАЯ, Э. М. САГАЛАЕВ, В. Г. СИМОНОВ, С. Н. ЧЕЛНОКОВ, И. А. ЧЕРНЫШКОВ (зам. главного редактора)

Художественный редактор
Т. Н. Филипповская
Оформление художника
И. М. Неждановой
Технический редактор
М. В. Симонова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а.
Телефоны: 285-89-20 — для справок, 285-80-62 — отдел писем.

Сдано в набор 25.04.89. Подписано в печ. 07.06.89. А04836. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная глазированная с покрытием. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,44. Уч.-изд. л. 5,4. Тираж 2 460 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 152.

Ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Великая Французская Революция

Среда, 3 апреля 1793

ДНЕВНИК ЮНОГО ПАРИЖАНИНА АНТУАНА ВЕРБУА

Сегодня все говорят о Конвенте. Это теперь наше правительство с тех пор, как нет короля. Конвент заседает в Тюильри, он состоит из разных партий. Кто из вождей возьмет верх? Робеспьер, вождь монтаньяров, который за жесткую политику? Или Дантон? Он тоже монтаньяр, но более умеренный. Но есть человек, еще более неистовый, чем Робеспьер,— это Марат. И есть люди, еще более умеренные, чем Дантон, это жирондисты. Марата зовут «друг народа». Его любят все. Он публично потребовал ареста жирондистов, которые пытались спасти жизнь короля. Я думаю, он прав. Но мой отец, услышав эту новость, грустно покачал головой: «Депутаты Конвента не думают о благе Республики. Просто монтаньяры и жирондисты борются за власть».

Понедельник, 13 мая 1793

Сегодня я сопровождал отца на заседание Конвента. Он заседает в огром-

Окончание. Начало см. в № 6 за 1989 год.

ном величественном зале. Депутаты сидят на девятнадцати скамьях, поставленных полукругом в виде амфитеатра. Простой народ, и мы в том числе, помещается наверху, на галереях. Какой шум! Толпа, которая знает всех депутатов, приветствует их, улюлюкает, аплодирует. Депутаты разных партий также обмениваются угрозами и оскорблениями. Вот кто-то из жирондистов кричит: «Смерть Марату!» И Марат сам отвечает: «В тот день, когда Марат умрет, умрет и Париж, а в тот день, когда умрет Париж, перестанет существовать и Республика!»

Среда, 10 июля 1793

Дантон, руководивший Комитетом общественного спасения, лишился своего поста. Он призывал к объединению против внешних врагов, то есть против иностранных монархий. Теперь верх взял Робеспьер. Его тактика: сперва раздавить контрреволюцию во Франции, прежде всего в Вандее. Отец жалеет об отставке Дантона. Он очень боится Робеспьера, «Кровавого», так его называют. Но ведь Робеспьер — опытный борец, он умеет сражаться с предателями, с роялистами, с жирондистами. Народ ему доверяет.

Воскресенье, 14 июля 1793

Вчера вечером был убит Марат! Молодая женщина из Кальвадоса, Шарлотта Корде, проникла к нему в квартиру и ударом кинжала убила его в ванне. Предместья бурлят, люди требуют отмщения. Никто не сомневается, что эту женщину казнят. Члены клуба кордельеров требуют, чтобы Марат, как все великие люди, был погребен в Пантеоне. Но он заслужил большего, чем Пантеон. Его погребли в саду монастыря кордельеров, где заседал его клуб, церемония похорон длилась с шести часов вечера до полуночи. Тысячи людей с зажженными факелами провожали Марата в последний путь.

Пятница, 6 сентября 1793

Со вчерашнего дня партия монтаньяров приняла «чрезвычайные меры» — иначе говоря, революционное правительство развязало себе руки и отныне будет принимать решения и действовать независимо от того, что записано в Конституции. Итак, теперь наступает Террор. Отец боится, что для народа это чревато новыми страданиями. Сегодня вечером он громко сказал в «Золотом солнце», что «не знает правительства, достойного этого имени, которое правило бы без Конституции».

Среда, 16 октября 1793

Вообще-то надо бы написать «25 вандемьера II года». У нас сменился календарь — названия месяцев и летосчисление. Год I — это прошлый, год принятия новой Конституции. Стало быть, теперь у нас год II. И месяцы теперь называют по-другому, очень красиво: вандемьер, брюмер, фример — осенние, вантоз, плювиоз, нивоз — зимние, жерминаль, флореаль, прериаль — весенние, термидор, мессидор и фрюктидор — летние.

Сегодня в полдень на площади Республики была гильотинирована Мария Антуанетта. Она была виновна в том, что призвала иностранных монархов себе на помощь. Этому есть доказательства. Она заслужила такую казнь.

5 нивоза, год II (среда, 25 декабря 1793)

Они арестовали моего отца! Да еще когда — в рождественскую ночь. Вот как это было: в два часа ночи кто-то забарабанил в нашу дверь. Отец пошел открывать. Вошли шестеро. «Гражданин Вербуа, у нас есть приказ на ваш арест». Это были люди из Комитета общественного спасения, их сразу признаешь. Невозможно поверить! На моего отца поступил донос как на сочувствующего жирондистам, и его арестовали как контрреволюционера. Если уж правительство Республики сажает в тюрьму таких добрых и преданных Республике людей, как мой отец, то куда, спрашивается, идет Революция?

14 нивоза, год II (пятница, 3 января 1794)

Мать побывала в тюрьме у отца; пока его дела не плохи, насколько это возможно в таком положении. Он надеется на поддержку некоего Лежандра, влиятельного человека в Комитете общественного спасения. Сразу же из тюрьмы мать побежала к Лежандру. Он обещал выручить отца. Можно ли ему верить? Благодаря ему мы теперь хотя бы знаем, что отца будут судить послезавтра.

4 плювиоза, год II (четверг, 23 января 1794)

Отец свободен, он дома, с нами! Сегодня вечером, сидя за столом, он, как всегда, нарезает хлеб. Революционный трибунал освободил его. Благо-

даря нашему другу отца обвинили лишь в том, что он подозревается во враждебных высказываниях. Поскольку свидетелей не нашлось, восемь судей из десяти признали его невиновным и оправдали. Какое счастье, ведь трибунал теперь выносит только одно из двух решений: невиновен или виновен. В последнем случае обвиняемый приговаривается к смертной казни и почти тотчас же отправляется на гильотину. Ни штрафов, ни тюремного заключения больше не существует.

12 жерминаля, год II (среда, 1 апреля 1794)

Вчера казнен Дантон. Дантон мужественно держался до самого конца. На суде, который продолжался три дня, он насмехался над судьями. Когда у него спросили имя и адрес, он ответил: «Мое имя известно всем, вы найдете его в Пантеоне истории, что же до моего адреса, то им скоро станет Небытие». Он умер 34 лет от роду. Кто-то слышал, как он сказал, поднимаясь на эшафот: «Жаль умирать на шесть недель раньше Робеспьера». Какое странное предсказание!

20 прериаля, год II (воскресенье, 8 июня 1794)

Сегодня праздник Высшего Существа. Высшее Существо — это та сила, которая правит всей природой. Робеспьер повелел, чтобы этот праздник был грандиозным,— так он решил примирить бога и Францию после того, как пролито столько крови. Улицы сегодня прекрасны! Все дома украшены гирляндами и дубовыми листьями. Над каждым окном трехцветное знамя. Даже гильотину не видно под пышными венками. На Марсовом поле рабочие возвели искусственную гору, на вершине которой возвышается статуя Гения французского народа с символами Свободы и Равенства. Торжественный кортеж проследовал от Конвента до Марсова поля. Робеспьер, идущий на несколько шагов впереди остальных членов Конвента, держит в руке букет цветов и колосьев. Звучит оркестр, хор поет «Гимн отцу Вселенной». Но самый торжественный момент церемонии — назначение Робеспьера председателем Конвента. Многие говорят, что он зарвался. Даже мой отец боится, что Робеспьер начнет злоупотреблять властью, и я слышал, как он пробормотал: «Это все, конечно, прекрасно, но как бы он не возомнил Высшим Существом самого себя».

9 термидора, год II (воскресенье, 27 июля 1794)

События развиваются поистине стремительно. Сегодня в 4 часа наше предместье забурлило: прошел слух, что арестован Робеспьер. Потрясающая новость, даже не знаю, верить или нет. Побегу на разведку...

В 5 часов вечера мы уже знаем наверняка: по приказу членов Конвента Робеспьер арестован. Его поместили в Люксембургскую тюрьму. На улице слышатся крики: «Долой тирана!»

12 термидора, год II (среда, 30 июля 1794)

Ну и ну, что творится! Робеспьер, в свою очередь, взошел на эшафот, как и предсказал Дантон! Это произошло три дня назад. Вместе с ним казнены Кутон, Сен-Жюст и многие другие якобинцы. Народ позволил казнить своего «тирана», и никто не вступился за него. Более того, когда его, раненного при аресте в лицо, проносят сквозь толпу на носилках, кто-то ему кричит: «Вот и ты, тиран патриотов! На тебе кровь Дантона, чувствуешь, как она жжет тебя?» Толпа аплодирует. К семи часам вечера все кончено. Робеспьер и двадцать два его соратника поднялись на эшафот. Подумать только: прошлой осенью здесь было казнено столько же жирондистов. А четыре месяца назад здесь погиб Дантон и двадцать один его товарищ. Мне кажется, теперь Большому Террору конец, это, быть может, начало новой жизни, о которой народ Франции мечтал пять лет назад, в 1789 году. Мне восемнадцать лет.

Перевела с французского
Ирина ВОЛЕВИЧ

Против: Робеспьер — чудовище, возжаждавшее крови. Он первый, кто повинен в Терроре. Не нашлось ни улицы, ни площади, чтобы назвать его именем, и это объясняется тем, что везде, даже в муниципалитетах, во главе которых стоят мэры-коммунисты, понимают, кто такой Робеспьер.

За: Робеспьер совсем не похож на того, каким его представляют. С самого детства он отличался добротой, любил животных, уважал родителей, был верным другом, сочувствовал несчастным. Те, кто знал его близко, под присягой могли бы засвидетельствовать, сколь искренен он был в своей доброте, благожелательности и терпимости по отношению к тем, кто его окружал. Сначала адвокат, затем судья, этот молодой человек был одним из тех немногих, кто выступал против смертной казни. Еще 30 мая 1791 года — обратите внимание на дату — он предлагал отменить смертную казнь: чуть меньше месяца оставалось до бегства короля, однако о нем говорили уже как о чем-то возможном и задумывались над тем, каковы могут быть его последствия. Конечно, никто не предполагал, что́ именно случится, что прольется кровь на Марсовом поле, что вспыхнут противоречия Революции, что Людовик XVI будет казнен и т. д., но то, что борьба будет жестокой — чувствовали. И все происходило так, будто Робеспьер, пока еще не поздно, хотел возвести последнюю преграду на склоне, по которому скатываются к Террору. И, объявляя Террор, Робеспьер не был первым. Во многом его опередили его противники. Первым был контрреволюционный Террор. На процессе над королем Робеспьер с чистой совестью напомнит о том, как он требовал отмены смертной казни, и скажет, что он сожалеет, что к его мнению не прислушались, и назовет неизбежный приговор Людовику «жестоким исключением».

Что касается Террора, то Робеспьер — при том, что ни в его, ни в чьей-либо вообще власти было его избежать — достаточно часто пытался смягчить его проявления. Фуше — в Лионе, Тальен — в Бордо, Карье — в Нанте зашли в Терроре куда дальше, чем Робеспьер, и, заслужив его осуждение, не простили ему, стали присяжными Термидора. Робеспьер выступил против насильственной «дехристианизации» в департаменте Сомма. «Его люди» на местах, Сен-Жюст и Леба в Эльзасе, его брат Августин во Франш-Конте, старались сделать все, чтобы народ относился к суду Революции с любовью.

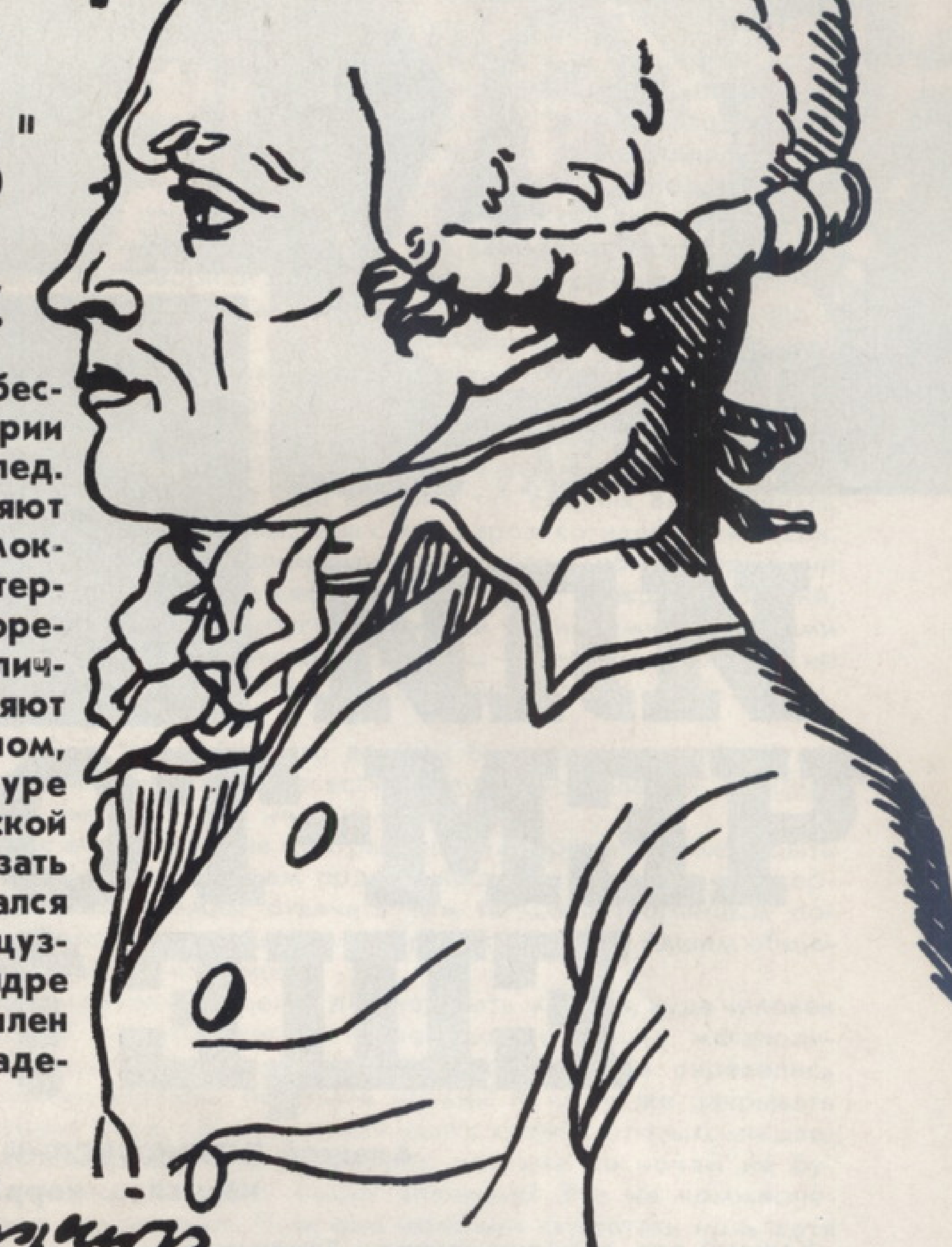
Против: Робеспьер неизменно предавал своих друзей и союзников, преследовал их, избавлялся от них: Дантон, которого Робеспьер называл своим верным другом, самый красноречивый тому пример.

За: Сегодня Робеспьера назвали бы

Робеспьер: „за" и „против"

Андре СТИЛЬ,
французский писатель

Максимилиан Робеспьер оставил в истории противоречивый след. Одни отождествляют робеспьеризм с демократией, другие—с террором. Эти противоречия — времени и личности — и составляют правду о Неподкупном, центральной фигуре Великой французской революции. Рассказать эту правду попытался знаменитый французский писатель Андре Стиль, коммунист, член Гонкуровской Академии.

унионистом, борцом за единство. И в этом проявлялся его реализм. Каждое мгновение Революции он внимательно следил за силами, которые могут принести ей успех, всячески старался их не расколоть. Но Революция по мере развития обостряла жизнь, и неизбежность раскола становилась очевидной даже тем, кто на предыдущем этапе Революции ему сопротивлялся. Робеспьер делал все, чтобы избежать рокового раскола с жирондистами, и порвал с ними только тогда, когда те поставили под угрозу Париж, а значит, всю Революцию. Долгое время он пытался удержать Революцию от крайностей, от «перевесов», примиряя левых и правых. События, развернувшиеся вокруг Дантона, на этом фоне особенно показательны. Робеспьер старался преодолеть значительные разногласия между ним и Дантоном, лишь бы не разрушить их жизненно необходимый союз. Приговор своему «другу» он решился объявить только под давлением других членов Комитета общественного спасения, Билло-Вренна, Сен-Жюста: именно другу, каким Дантон был с июля 1789-го по декабрь 1793-го — пятьдесят четыре месяца. Нет, своего отношения к Дантону Робеспьер не изменил, недаром же его назвали несгибаемым, как не изменил он себе. Менялась жизнь, у Революции появлялись новые враги.

Против: Робеспьер стремился к абсолютной власти. Доказательство: он к ней пришел или почти пришел. Беспощадная диктатура — образец всех будущих тоталитарных режимов.

За: Мало государственных деятелей, кто бы, как Робеспьер, с таким пренебрежением относился к власти. Почести, звания — он отказывался от них легче, чем их принимал. Но при этом он не отказывался — и это еще одно его положительное качество — от ответственности. Его заслуги оборачивались для него все более тяжелыми обязанностями, которые он, если бы мог, разделил бы с кем-нибудь, но ни за что бы от них не отказался, иначе бы Революция погибла: родина, нация, спасенные во второй год Революции,— его заслуга, а не его вина.

Легко возражать «против». Не так-то просто обосновывать «за».

Эта Революция — революция иного времени: она втолковывает нам это на разные лады уже двести лет. Процветающая буржуазия, которой эта революция «нужна», ведет ее туда, куда ей нужно ее вести, куда ее вести дозволительно, ведет ее по-своему, как она может. Итогом будет, должна быть все более массовая, безжалостная эксплуатация — вопреки и одновременно благодаря «идеалу», который все еще остается претворить в жизнь. И, похоже, не было другого человека, кроме Робеспьера, кто бы так глубоко проникся этим идеалом, постигая жизнь в «школе лучшего» Руссо. Сен-Жюст, Марат — кто еще? — могут иной раз показаться «чище», «прогрессивнее» Робеспьера. Могут, потому что для нас они более, чем Робеспьер, стоят в тени власти. Но истинный же портрет их и Робеспьера можно нарисовать только в движении, в движении Революции, движении от них — к нам. Робеспьер еще больше, чем единства, жаждал движения. Ничто не останавливало его в критике того, что заслуживало критики — глупость, медлительность, отступления, двусмысленность. И единства Робеспьер добивался тоже не ради тихого примирения, а во имя движения вперед, во имя прогресса.

Переход от юношеского порыва, который и не может обойтись без иллюзий, к реальности Революции труден и благороден. Все, что тянет назад молодых людей, трудноотличимо от того, что толкает их вперед, иногда даже вперед их Революции. Быть впереди тогда, когда революция была на подъеме, означало побеждать... и быть побежденными, когда время им шепнуло: дальше ни шагу... И в этом мучительном отрыве от земли, в этом полете они сожгли свои крылья — не голубиные, конечно, но и не ястребиные... Люди остаются людьми, они привыкают и к худшему и даже находят в нем наслаждение, если оно, худшее, покажется им хоть на мгновение спасительным: Террор, родившийся из стремления защищать родину и революцию, суть инструмент отчаявшейся и оскорбленной власти... А люди остаются людьми, и их силы еще больше, чем их взгляды на мир, имеют пределы: усталость, болезнь, горе, разочарование могут перед лицом невозможного возвеличить сами их слабости. Им по тридцать лет, и проживут они немногим больше, и жизнь их несется в безумной спешке, и смертельная опасность подстерегает каждого из них и всех сразу, и не дано им действовать в строгом соответствии с продуманными в тихих кабинетах теориями...

Будем разбираться с Робеспьером и остальными?

Лучше подведем итог, в том числе того, что нам остается сделать еще раньше — сказать: спасибо за все.

Перевел с французского
С. КОЗИЦКИЙ

Двери Дворца республики в Берлине открыты для всех желающих с 10 утра до полуночи.

Дворец молодежи в Москве вы сможете посетить только во время вечернего концерта, если, конечно, сможете купить на него билет.

Фото Г. ПАШКОВА, О. МИТКИНА

ИЛИ ЧЕМ-ТО ЕЩЕ?

Алексей ПОЛИКОВСКИЙ, наш спец. корр.

Каждый раз, проходя центром Берлина, я непременно заходил во Дворец республики. Это — на берегу Шпрее, за Александер-плац. Здание из бетона и непрозрачного коричневого стекла, в пять этажей, с широкими входными дверями и эскалаторами, ведущими вверх. Здесь, в одном из залов, проходят заседания депутатов Народной палаты ГДР. А в другом — праздничные и торжественные концерты. Но значение Дворца республики не исчерпывается этими заседаниями и концертами. Это — общественный центр, открытый для свободного входа четырнадцать часов в сутки, с 10 утра до полуночи. И я, заходя в эти гостеприимные двери, каждый раз задавался вопросом: «Что тут сейчас происходит? Кто приходит во Дворец? И для чего вообще нужен такой общественный центр?»

Подобные центры возникли во второй половине XX века во многих больших городах мира. Центры эти часто соединяют под своей крышей музей, библиотеку, спортивный зал, кафе, ресторан, кинозал, арену для всевозможных выступлений, несколько магазинов, зимний сад — и при этом все-таки являются чем-то бóльшим, чем сумма этих заведений. Я видел подобный центр в Брюсселе («Аудитория 44»); читал, что такие есть в Нью-Йорке, Париже, Токио. В век функциональной архитектуры, когда каждая возводимая постройка имеет четкое и узкое предназначение, общественный центр пытается быть зданием для человека — как бы широко это ни звучало. Для человека, уставшего быть функцией, затосковавшего в урбанистических джунглях от одиночества, нуждающегося в уюте, который превратился в понятие — ретро, и в целом спектре возможностей для самовыражения, которые недоступны ему в его обыкновенной жизни — из-за нехватки денег или времени.

Был конец декабря, и перед Дворцом уже висели желтые афиши, оповещавшие о том, что в январе тут пройдет череда концертов, выставок и представлений, объединенных под девизом «Молодые во дворце». «Программы, проекты, мнения»,— гласила программа, приобретенная мной в информационном бюро. «Рок, новая волна, джаз, живопись, фотография, театр, графика, мода, дизайн, камерная музыка, электронная музыка, скульптура, кино, видео; молодые художники на сцене Дворца и в дискуссиях». Речь шла о ежегодном фестивале молодежной культуры. И это тоже было одним из отличительных признаков общественного центра: демократизм. Открытость для всех пластов культуры, для всех возрастов. Тут было не так, как у нас во Дворце съездов, чья сцена предпочитает «высокие» жанры (оперу, балет), предоставляя «низким» (рок, джаз, барды с гитарами) искать успеха в «обыкновенных» концертных залах, в клубах и подвалах; во Дворце республики на протяжении года терпимо уживаются все виды и жанры искусства — от клоунады до балета...

Но фестиваль молодежной культуры — одно из тех крупных мероприятий, что длятся несколько дней и привлекают толпы народа. Это — праздник Дворца, а не его будни. Меня же интересовали будни. Что происходит в общественном центре, когда в нем не проходят концерты и фестивали? Что бывает в этом респектабельном здании, когда зал заседаний и концертный зал закрыты на ключ? И вот, стоя у входа, в широком, ярко освещенном фойе, я смотрел, как вечером впархивают в стеклянные двери стайки парней и девчонок в цветных куртках, в джинсовых униформах. Они приходили — просто побыть тут, провести время. Их немного было. Что неудивительно — в радиусе километра каждый вечер открыты двери десятков кафе, куда можно попасть без очереди. Но они все-таки приходили. Что их влекло? Может быть, дискотека. Может быть, видеодискотека. Или — программа «Истории, которые Сузи расскажет вам перед сном», непритяза-

тельная смесь музыки, анекдотов и танцев, предназначенная «для двадцатилетних, особенно для молодых пар». А может, их влекли сюда «танцы до полуночи». Или — просто посидеть и поговорить на диванчиках, обтянутых красным кожзаменителем, на высоких стульях полупустого бара. Ничего особенного? Да, это так. В обычный свой вечер Дворец республики не предлагает посетителю ничего особенного. Но все-таки он предлагает **что-то.** И это что-то лучше пустоты улицы, лучше бездумных блужданий по городской пустыне.

А может быть — не так уж и мало предлагает общественный центр в обычный свой вечер? Тут, помимо дискотек разных видов и нескольких кафе, всегда есть какая-то культурная программа. Это не нечто сверхпопулярное и супердефицитное, на что надо стоять в очереди или доставать по блату билеты (выставка Дали, просмотр фильмов Вайды). Это скромная выставка графики или «ста лучших фотографий года». Но это не халтура, не кич — на это можно смотреть с любопытством. И не надо звонить по телефону, узнавать заранее — нечто подобное есть всегда. Так же как всегда открыт кегельбан внизу, на уровне Шпрее. Так же, как всегда, открыты три ресторана: «Липовый», «На Шпрее» и «Дворцовый», которые отличаются хорошим обслуживанием и невысокими ценами. Тут можно пообедать на двадцать марок — пятидесятую часть учительской зарплаты. И тут всегда можно поглазеть на что-нибудь любопытное, на какой-нибудь забавный казус, выставленный посреди зала на втором этаже. В те дни, когда я заходил во Дворец, это был гигантский торт в виде замка с рыцарями и драконами — чудо кондитерского искусства, вокруг которого неотрывно стояли взрослые и дети.

Кто эти люди, вечерами приходящие в общественный центр на берегу Шпрее? И сколько их? Я задал этот вопрос девушке, сидевшей за стойкой информационного бюро. И получил мгновенный ответ: «За последние двенадцать лет Дворец посетил 61 миллион человек». То есть по пять миллионов в год. Немало для страны, чье население составляет 18 миллионов.

Эти пять миллионов в год — посетители концертов, фестивалей, представлений. Это — любители кегельбана и кофе, искусства фотографии, живописи. Это — молодые люди, приходящие сюда на дискотеки, а также пожилые люди, приходящие послушать мелодии своей молодости в исполнении духового оркестра. Семьи, обедающие тут по воскресеньям. И еще — те, кто забредает сюда «на огонек» (как говорили в старину), устав от одиночества или тоски, намаявшись на работе или дома. Разве таких мало в жизни? Вот таких, одиноких и неприкаянных, я угадывал часто в тех, кто медленным шагом блуждал вдоль вывешенных фотокарточек, подолгу вглядываясь в каждое фото. Угадывал их в стариках, зашедших посидеть на мягком диванчике, дать отдых ногам — и сидящих долго (благо никто не гонит). И еще видел я тут бедных влюбленных, которых непогода выгнала с бульваров, согнала со скамеек. В каком-нибудь уединенном уголке огромного Дворца они находят все тот же диванчик — и сидят, взявшись за руки, приникнув друг к другу. Вот этими одинокими и усталыми людьми и влюбленными Дворец — нет, не полон — но оживлен и в утренние, и в поздние часы.

Общественный центр должен быть прежде всего культурным центром — то есть местом выступлений, концертов, выставок. Тут не о чем спорить.

Но общественные центры в наших городах должны быть чем-то большим, чем просто местом выставок и концертов. Они должны отвечать тем неудовлетворенным потребностям, которых так много накопилось в нашем обществе. Каким именно?

Общественный центр должен быть местом, куда человек может прийти **всегда.** Разве мало в наших мегаполисах людей, страдающих бессонницей, разве перевелись уже сочинители, пишущие ночью? К чему же закрывать двери? Пусть общественный центр стоит с открытыми дверями круглые сутки. Конечно, наплыва по ночам не будет — но какое это имеет значение? Это не коммерческое учреждение. Если оно поможет скоротать ночь хотя бы одному человеку — чем плохо?

Общественный центр должен предоставлять людям минимальную пищу духовную. Тут тоже не о чем спорить. Всегда должно быть **что-то.**

Но — только ли духовную? Разве мы настолько бедны, что неспособны открыть в общественном центре бесплатную столовую? Столовую, где всякий сможет получить тарелку супа и кусок хлеба и не предъявлять при этом никаких справок. Почему бы нам не сделать этого? Или нам мешает наша ложная гордость, твердящая, что «у нас го-

лодных нет»? Не будем тут спорить об этом. Сойдемся в одном: открытые всю ночь двери, крыша над головой, бесплатная тарелка супа — это милосердие...

Политический климат, экономическое положение, традиции, нравы — все это накладывает отпечаток на общественный центр. В Берлине, например, на стенах Дворца республики развешены правила поведения посетителей, в которых сказано, что «игра на музыкальных инструментах, а также другие мешающие порядку поступки запрещены». Может быть, именно таких правил требует традиционный немецкий Ordnung (порядок). И никто, конечно, во Дворце республики на музыкальных инструментах не играл, и «мешающих порядку поступков» не совершал. И в высоких, просторных, ярко освещенных залах царила сдержанная тишина, подобная тишине больницы, тишине учреждения. Но как же с самовыражением? В берлинском Дворце все делали для посетителей артисты, художники, люди персонала в строгих черных и синих костюмах. Сами посетители не имели права делать что-либо — только смотреть да слушать.

Нам, наверное, не обязательно следовать за немцами в этом. У нас другой темперамент, другой политический климат. Наоборот — в нашем общественном центре нам нужна открытая сцена, доступный каждому микрофон и выставочный зал, где стены принадлежат художникам. В таком общественном центре, возможно, будет идти круглосуточный митинг и круглосуточный концерт, в котором сменять друг друга будут барды с гитарами, нигде не опубликованные поэты и рокеры, которым, по нищете их, полжизни копить, прежде чем сумеют купить собственную аппаратуру. А тут — вот она, общественная (налоги-то мы на что платим?).

Чем может, чем должен быть общественный центр у нас в стране? Он должен заполнять пустоты в общественной жизни — давать то, чего нет. Быть Гайд-парком и Монмартром, бесплатной столовкой и ночлежным домом.

Или чем-то еще?

Берлин

МОСКОВСКОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Дворец молодежи на Комсомольском проспекте в Москве строился пятнадцать лет. Строительство в эти годы то прекращалось, то возобновлялось — и вместе с ним то умирали, то возрождались надежды и мечты. Мечты о том, что будет в Москве общественный центр для молодежи, куда каждый, будь он школьник или студент, хиппи или панк, культурист или авангардист, сможет зайти, как заходят к себе домой. В любое время дня (а может быть, и ночи тоже). И найдет тут, во-первых, что-то интересное для себя (выставку, концерт); а во-вторых, получит тут возможность быть тем, кем хочет — оратором на митинге, музыкантом в рок-группе, художником в студии под застекленной крышей, учеником у-шу в спортзале или просто кейфующим зевакой в видеобаре... Конечно, десять или даже пять лет назад эти мечты вполне можно было назвать наивной маниловщиной. Молодежная культура и сама молодежь ютились по углам и подвалам. Но сейчас, когда пришло время (при)открытых дверей, не пора ли мечте сбыться? Конечно, не на все сто процентов — жизнь отучила нас от излишнего оптимизма. Я ехал во Дворец молодежи, не надеясь найти там ни открытой для всех желающих сцены, ни бесплатной столовой. Но все-таки надеялся найти хоть что-то. Почему бы и нет? Ведь было шесть часов вечера — время, когда множество молодых людей выходят на улицы в поисках занятий и развлечений.

Вот он, ваш роскошный Дворец, читатель. Он возносит вверх свои белые колонны и широкие ступени. Выглядит он ничуть не хуже берлинского Дворца республики. Такая же представительность фасада, такое же величие форм. И — восемь стеклянных, желтым металлом обрамленных дверей за колоннами. Я подергал первую дверь, за ней вторую, третью, четвертую, пятую, шестую, седьмую — все были заперты. Восьмая вела к кассам — у окошечка маленькая очередь ждала, пока будут давать бронь «на Хазанова». Тут же — несколько афиш на текущую неделю: вечер русского романса, вечер джаза. Интересные, неплохие концерты. Но что, кроме этого? И что для того, кто хочет просто посидеть на мягких диванчиках Дворца, посмотреть тут видеоконцерт «Дип перпл» или потанцевать на дискотеке? Обошел кругом пустынную, вымершую громаду, вошел в дверь служебного входа: «А как попасть во Дворец? Вход для публики где?» — «А мы просто так не пускаем. Двери открываются вечером, перед концертом».— «А что во Дворце еще есть, кроме концерта Хазанова?» — «То есть как? — удивление в голосе.— Что вы имеете в виду?»

Через несколько дней, заранее договорившись о встрече с и. о. художественного руководителя Дворца В. Николаевским, я снова приехал на Комсомольский проспект. Двери дворца были по-прежнему закрыты. Вошел через служебный вход (где фамилию мою записали). Сидя за своим рабочим столом, В. Николаевский коротко объяснил мне, почему дела во Дворце обстоят именно так, а не иначе, и показал план культурно-массовой работы. Затем режиссер-постановщик Дворца молодежи Г. Кропивский провел меня по роскошным, высоким фойе, показал зал на 1900 мест, выложенные паркетом светлые холлы, студию звукозаписи, столовую для сотрудников. И то, что говорили мне два этих человека, звучало вполне убедительно — при ближайшем рассмотрении Дворец молодежи оказывался ловушкой для работающих там людей. Архитектурно-экономической ловушкой. Почему нельзя открыть двери? Потому что Дворец спроектирован так, что нет раздельных входов для тех, кто идет на мепроприятия, и для тех, кто хотел бы просто посидеть или побродить тут. Открой двери — все повалят в зал, на платный концерт. Почему нет кафе или видеобара? Они есть. Кафе на 450 мест, система кабельного телевидения. Но нет гардероба, и поэтому вход в кафе пока закрыт. Почему нет дискотеки? Она есть. Но после нее вздувается и ломается паркет. Приходится чинить. Уже пять раз чинили. Почему все так дорого — час работы в студии стоит 200 рублей (в кооперативных студиях звукозаписи — всего 50), билет на концерт — 4—6 рублей? Потому что Дворец, чтобы окупаться, должен зарабатывать в месяц 8 тысяч. Поэтому и в студии записываются не семнадцатилетние новички, не имеющие ни денег, ни возможности выпустить сорокапятку на «Мелодии», а те, кто и без помощи Дворца уже выпускает пластинки и имеет деньги, чтобы заплатить: Кузьмин, «Автограф», «Браво». Отсюда же — приглашение именно тех артистов, кто делает большие сборы (Хазанова). Спрашивать после этого о бесплатной столовой, об аппаратуре для всех желающих было уже бессмысленно — так же, как вести дальнейшие расспросы, начинающиеся с неизбежного слова «Почему?..». На каждое «Почему?» нашлась бы объективная причина. Но выслушивать вежливо весь длинный список объективных причин и терпеливо кивать в ответ мне тоже не хотелось. Скучно. Было уже много раз. И я такие вопросы задавал, и читатель читал уже сотни раз что-то подобное. Так что оставим лучше этот факт без дальнейших объяснений и комментариев: двери во Дворце молодежи заперты. Общественный центр для молодежи наконец возвели, он вроде бы есть — и все-таки его нет.

Как же так? В ГДР, в Берлине, во Дворец республики с утра до полуночи открыт вход, играет музыка, работают рестораны и кафе — и это при том, что здание представляет из себя место заседаний Народной палаты? А у нас, в Москве, во Дворце молодежи, вход закрыт, двери заперты, ничего, кроме вечернего концерта Хазанова, не происходит — и это при том, что Дворец построен специально для молодежи? Есть тут молодежь? Вот она, на фасаде, на величественных фресках — застывшая в патетических и героических фальшивых позах, с колосьями в руках, с красными знаменами, марширующая куда-то в рядах, удобная, неживая. А та, которая в рядах не марширует, настоящая, неудобная, рок впитавшая с колыбели, она, как и прежде, кучкуется у станций метро в получасе ходьбы от Дворца, названного в ее честь, собирается на тусовки по дворам, пустырям и подвалам.

«Большое яблоко» гниет. Нью-Йорк заражен крэком — новой разновидностью кокаина, появившейся в 1984 году.

До начала 80-х больше всего проблем создавал героин. Теперь же основная причина самоубийств, причина того, что родители убивают детей, а дети — родителей, причина того, что полиция стреляет в торговцев наркотиками, а те — в полицейских, причина войн, которые ведут между собою соперничающие банды торговцев наркотиками, причина краж, насилия, убийств — крэк. Это соединение кокаина с питьевой содой и еще какой-то химией. Наркоманы нахваливают крэк — употребляя его, они получают «наивысшее наслаждение». Оборотная же сторона в том, что на смену «наивысшему наслаждению» приходит сильнейшая депрессия, вызывающая потребность в новой дозе наркотика и новом «наивысшем наслаждении». При этом, как считают специалисты, привыкание к крэку наступает еще быстрее, чем к героину. Образуется порочный круг — потребность в новом «наивысшем наслаждении» начинает подавлять сознание.

«Мне довелось пережить схватки между молодежными бандами в 30-е годы, войну в 40-е, нашествие героина в 60-е годы. Но я никогда не видел ничего более разрушительного, чем крэк»,— говорит Уильям Гопкинс, который двадцать лет служил в полиции, а последние два десятилетия является сотрудником Управления штата Нью-Йорк по борьбе с наркоманией.

Три года назад на крэк смотрели как на всего лишь еще одну разновидность наркотиков, которую, в поисках новых товаров и рынков, создали подпольные синдикаты. Может показаться странным, что для объяснения происходящего используются слова «товар», «рынок» — словарь бизнесмена, но наркотики — это прежде всего индустрия, причем одна из самых прибыльных. И управляют ею не мелкие воришки, а люди, не обделенные способностями. Сырье же поступает из источников, которые часто находятся под защитой людей из правительственных кругов латиноамериканских стран, тех самых, где производятся наркотики.

Нынче крэк — излюбленный яд Нью-Йорка, города, с населением в 7,3 миллиона человек. Одна восьмая часть населения живет на социальное вспомоществование, из них 500 тысяч — молодые люди до 18 лет. В 1987 году — последнем, за который имеются полные статистические данные,— в списке зарегистрированных в городе заболеваний первыми стояли гонорея, сифилис, СПИД, туберкулез. Проституция процветает. За 1988 год в городе было совершено 1900 убийств — по пять в день.

Наркотики напрямую связаны со

Синди ФЕЙЗИ,
научный сотрудник Центра городских исследований при Ливерпульском университете

всей этой страшной статистикой, и, в свою очередь, они сами являются источником для такой статистики. В 1987 году от кокаина и героина погибли 1003 человека. За правонарушения, связанные с распространением и употреблением кокаина, были арестованы 37 624 человека, героина — 22 168...

Уильям Гопкинс возглавляет уникальное для штата Нью-Йорк подразделение по изучению обстановки в Гарлеме. Мрачные заброшенные дома, выжженные кварталы — Гарлем скорее напоминает разрушенный боями Бейрут или Берлин 1945 года, нежели район в одном из крупнейших городов промышленно развитой страны. В подразделение Гопкинса входят бывшие наркоманы. Каждый день по семь с половиной часов они проводят на улицах, наблюдая за тем, кто какие сделки совершает и за сколько. Эти люди получают зарплату служащих штата, и в то же время из-за своего прошлого пользуются

доверием улицы. Они осуществляют, похоже, самую необычную в мире программу исследования рынка. Именно эти люди предупредили американские власти о том, насколько серьезную опасность представляет крэк. Помимо всего прочего, у наркоманов, длительное время употребляющих крэк, начинает появляться то, что врачи называют «кокаиновым психозом». Симптомы психического расстройства — паранойя, галлюцинации и буйство. Кроме того, кожные заболевания, потеря веса, конвульсии, затрудненное дыхание, повышенное кровяное давление и т. п. Но наркомания — печальная «привилегия» не только бедных и униженных — она распространилась на все слои общества. Сейчас крэк употребляют и продают не только в гетто, но и в самых «среднеклассовых» районах, а в мирном служащем процветающей фирмы и не заподозришь торговца смертью.

Одно из следствий наркомании — коррупция. И наиболее шокирующий ее пример — так называемые «фабрики пилюль» в Нью-Йорке. А «герои» истории — врачи, имеющие отношение к федеральной программе помощи малоимущим американцам «Медикэйд». Врач обосновывается неподалеку от аптеки, выписывает выстраивающимся в очередь пациентам рецепты на транквилизаторы и другие психотропные средства. Затем те идут в аптеку, но там им никогда не дают полностью все то, что написано в рецепте. В свою очередь, аптекарь требует у властей оплатить весь рецепт полностью и делит прибыль с врачом. По словам Гопкинса, он знает по меньшей мере 20 таких «фабрик пилюль» в одном только Гарлеме. Он не берется даже приблизительно подсчитать, сколько их всего в Нью-Йорке. И каждая из таких «фабрик» способна приносить ежегодно бесчестному врачу и аптекарю около 300 тысяч долларов прибыли.

«Пациентов» — безнадежно опустившихся людей, готовых ради денег на все,— невозможно убедить дать свидетельские показания. Мало того, «пациенты», чтобы добыть деньги, вскрывают себе вены, наполняют своей кровью бутылки из-под «кока-колы» и продают врачам по 10 долларов за бутылку. А врач разливает эту кровь по пробиркам, чтобы отправить в лаборатории и «доказать» тем самым властям, что берет анализы крови у своих пациентов в качестве проявления «заботы» о них...

Что можно сделать для решения проблемы наркомании? Многие американские специалисты с завистью смотрят на Великобританию, где некоторые врачи прописывают наркоманам заменители героина.

Идея состоит в том, чтобы обеспечить таких людей надежным источником наркотических средств в то время, пока они, решив порвать с преступным миром или проституцией, устраивают свою жизнь, ведут поиски работы. Однако в Великобритании этот вопрос решен не до конца: некоторые врачи прописывают эти средства только в виде таблеток, что заставляет часть наркоманов, привыкших принимать наркотики внутривенно, вновь вернуться на улицы.

В США к этому вопросу относятся с излишней щепетильностью: законом не предусмотрена возможность обеспечения наркоманов внутривенными инъекциями ни при каких условиях. Поэтому американские власти внимательно изучают опыт Великобритании, где пытаются хотя бы обеспечить наркоманов чистыми иглами, чтобы сократить распространение болезней, в частности СПИДа.

Предложения последовать примеру Великобритании вызвали в США протест. Одну точку зрения представляет черный конгрессмен из штата Нью-Йорк Чарлз Рэнджел, председатель подкомитета палаты представителей по злоупотреблению наркотиками. Он заявил, что наркомания и СПИД — это формы геноцида, направленного против негров и испаноговорящих американцев. Рэнджел считает, что любое «поощрение» употребления наркотиков путем бесплатного предоставления чистых игл — средство проведения такой политики. По другую сторону баррикады — те, кто считает, что СПИД — способ «избавления» от наркоманов и гомосексуалистов.

К апрелю 1987 года в Нью-Йорке было зарегистрировано 14 294 случая заражения СПИДом, из них 32 процента составили наркоманы. В первые три месяца 1988 года число наркоманов, зараженных СПИДом, впервые превысило число зараженных СПИДом гомосексуалистов: 45 процентов против 35. И в то же время за последние шесть лет число женщин, зараженных этим заболеванием в результате половых связей, а не через грязные шприцы, выросло с 14 до 30 процентов.

Стоит ли беспокоиться Великобритании, да и вообще Европе? Стоит. Принятые в Великобритании меры помощи, которые многие американские специалисты хотели бы позаимствовать, находятся под серьезной угрозой. В Англии существует сильное медицинское лобби, выступающее против выписки наркоманам наркотических средств, ибо это, по их мнению, отнюдь не обязательно приводит к излечению. Более того, многие из тех, кто поддерживает идею выдачи рецептов, категорически возражают против внутривенных инъекций, соглашаясь лишь на таблетки.

Это, в свою очередь, помогает подпольному миру еще более укрепить свои позиции. А если в Великобританию начнет доставляться в значительных количествах кокаин, то этот же подпольный мир создаст рынок и для крэка. Не время зарывать голову в песок и надеяться, что уж здесь-то этого никогда не произойдет...

Котик, Текила и Йога сидят на кровати. В комнате темно, тесно, дымно. Щель под дверью заткнута полотенцем. «Я забыл вам сказать, — говорит Йога,— тут заглядывал Котище. Он спрашивал, что мы сделали, чтобы отплатить этим из Калвер-Сити».— «Отплатить... А за что?» — спрашивает Котик. «Да за то дело, в парке. Ну, тем парням, которые стреляли в нас». Котик думает. На экране телевизора что-то мигает, из радиоприемника доносится треск, настольный вентилятор гоняет воздух по комнате. Через минуту Котик тыкает Текилу, свою подружку, в коленку. «А когда это было?» — спрашивает он. Взгляд девочки медленно смещается к его лицу. Котику девятнадцать, как и Йоге. Первый раз его забрали, когда ему было шесть лет, за то, что украл из школы телевизор. В прошлом году его арестовывали одиннадцать раз — за употребление наркотиков.

Этот день начался неплохо. В десять утра Котик и Текила набрели на знакомого торговца крэком: он дал им пару «булыжников» по пятерке и по десятке и груду «щебенки». Они сразу пошли к Йоге, и все выкурили в четверть часа.

Теперь им надо бы еще.

Особенно Котику. Он сидит на кровати, весь задубевший. Рот растянут в напряженной улыбке, над верхней губой, между редкими волосинками усов, видны капельки пота. Челюсти крепко сжаты, жилы на шее вздулись. Котик внимательно всматривается в ковер. На нем разбросаны бумажки, лоскутки, нитки, рассыпан сигаретный пепел. Ему все это кажется «булыжниками». Он знает, конечно, что никаких «булыжников» на ковре нет, он слишком аккуратен, чтобы уронить хоть чуточку, но это не имеет значения, потому что какая-то сила заставляет его встать на четвереньки и пощупать каждый кусочек бумаги, комочек ниток, кучку пепла...

«Ну, и что же нам делать с Калвер-Сити? — спрашивает Йога.— Котище говорит, что, если мы стоим за округу, мы должны рассчитаться с ними».

Котик смотрит вверх. Он что-то припоминает. Округа. Банда. Традиция. Он и Йога — члены В-13, Венецианской банды, одной из самых старых среди четырехсот банд Лос-Анджелеса. У их банды есть своя история. Десять лет назад, когда Йога и Котик только начинали взрослеть, в округе свирепствовала война; банда В-13 воевала против всех остальных банд. Венецианцы боролись с парнями из Прибрежного района, из Санта-Моники, из Калвер-Сити, со всеми. В марте 1979 года газета «Лос-Анджелес таймс» посвятила специальный раздел беспорядкам в Венеции, а точнее, в Оквуде, как официально называется их район: уже сорок лет земляки Котика, Текилы и Йоги считают эту квадратную милю пальм и бедности посреди города Венеция, штат Калифорния, своим

СМЕРТЬ В ВЕНЕЦИИ

«баррио», кусочком Латинской Америки в самом сердце калифорнийской жизни. И все эти годы бедные и беднейшие в Южной Калифорнии объединялись в банды, чтобы обеспечить безопасность жилья, чтобы завоевать хоть какое уважение к себе. Целые поколения чиканос, выходцев из Латинской Америки, оказались в тюрьме. Сейчас все по-другому: то, что многие годы безуспешно пытались сделать полиция, Национальная гвардия и другие банды, сделал наркотик. Если что-то может быть ужаснее ужаса, то именно это и произошло с Венецией...

А дело с машиной было два дня назад, во вторник, в парке. Йога и Котик и Текила были там, и еще их друзья, Червивый и Линда, и пара других девчонок и парней. И вдруг из темноты вынырнул старый «шевроле». Шесть выстрелов, семь, восемь, девять, десять выстрелов. Быстрые, громкие хлопки... Пули взвизгнули над головами. Йога повалился на Линду. Текила грохнулась на Котика. Остальные упали мордой в грязь. Через пять секунд все кончилось. Они смотрели вслед удалявшимся габаритным огням.

«Опять эти, из Калвер-Сити!» — сказал Червивый.

«Ого!» — воскликнула Текила, показывая пальцем на другой край поля.

Это был Котище. Он бежал сломя голову. Котище — лидер, старший земляк, ему двадцать семь. У него большой шрам на шее, две дырки от пуль в боку и еще одна в плече.

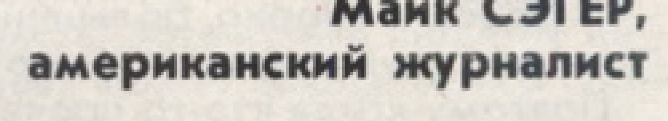
«Что творится, земляки?» — заорал Котище.

«Да это те типы из Калвер-Сити»,— сказал Йога.

«Опять эти! — заорал Котище.— Они опять вам по пяткам проехались? Почему вы что-нибудь не сделаете? Они же вас не уважают, земляки!»

Котище тряхнул головой, уперев в бока сжатые кулаки. В последнее время, думает он, все в Венеции изменилось. Эти молодые земляки знают, что если кто-то тебя не уважает — обзывает тебя, облаивает тебя, не возвращает долг, стреляет в тебя, оскорбляет твою мамашу, в общем, если кто-то как-то сердит тебя, есть только одна вещь, которую тебе следует сделать. Ты берешь пушку, выслеживаешь парня и приканчиваешь его. Или, если ты не можешь найти его, укладываешь одного из его земляков. Но ты не стреляешь из тачки. Такую гнусь делать не положено. Это уже что-то новое. Уже много лет ребята из Венеции и из Калвер-Сити палят друг в друга, но это всегда делалось лицом к лицу. Всегда были правила: не стрелять из машины, не стрелять из дому, не рисковать жизнью ребятишек, мамаш и папаш. Несколько лет назад один из земляков в Венеции пальнул по церкви и пристрелил мамашу и ребятенка из Калвер-Сити. Узнав об этом, остальные венецианские земляки отмолотили парня и выперли его из округи. А нынче что?

В прошлом году в Лос-Анджелесе было зарегистрировано 383 убийства, совершенных бандами: шестьдесят процентов убитых были ни к чему не причастные прохожие. В этом году, полагают, цифра может дойти до 450.

Майк СЭГЕР,
американский журналист

С самого 1900 года, когда была построена «Американская Венеция» — как и положено, с каналами, нечто вроде жилого заповедника на морском берегу,— Оквуд был бедной частью города, одним из гетто на дешевом побережье Южной Калифорнии.

К 1970 году, по данным переписи, восьмитысячное население Оквуда на сорок три процента состояло из черных, на тридцать три процента — из латиноамериканцев и на двадцать четыре процента — из белых. Латиноамериканцы продолжали прибывать, переходя границу и законным образом, и нелегально. Они стремились на север, привлеченные обещаниями высокой заработной платы и обилия рабочих мест в ресторанах и на предприятиях легкой промышленности. Сегодня население Оквуда составляет около девяти тысяч человек, половина из них — чиканос.

Округа, в которой обитают Котик и Текила,— это скопление ветхих коттеджей. Внутри дома опрятны, мебель, хоть и старая, но чистенькая. Телевизоры всегда включены. Видеомагнитофоны крутят фильмы ужасов, фильмы о войне и о гангстерах. В доме обычно есть общая комната, заставленная диванами и креслами, кухня, где на плите стоят кастрюльки с тушеной фасолью, а на столе лежат

кукурузные лепешки. Обычно в одном доме живут четыре или пять поколений семьи. Прабабушка и две ее внучки спят в одной комнате. Бабушка и внучатая племянница-сирота — в другой. Главная в семье дочь — та, у которой самая лучшая работа,— обычно спит одна в своей комнате. Дом держится на женщинах. Бабушка и прабабушка заботятся об аренде и стоят во главе семьи, а остальные женщины работают, многие — нелегально, чтобы получать еще и пособие. Большинство земляков-мужчин живут за счет матерей или бабушек, жен или подружек, у большинства нет работы, поэтому внутри семьи они занимают весьма низкое положение, даже когда дело касается еды. Они делают то, что им говорят, и с ними обращаются почти как с детьми.

Может быть, именно поэтому честь, особый вид чести настолько важен для земляков из Венеции, и, может быть, поэтому Котище настолько расстроился из-за того, что молодежь ничего не предприняла. Земляки никогда не считали себя бандой. Бандой их называла полиция, бандой их называли газеты. Для самих себя они всегда были только округой, земляками: людьми, которые живут там, где живут всю жизнь и где живет их родня. И не важно, что им там ничего не принадлежит: для четырех с половиной тысяч чиканос из Оквуда эта квадратная миля — их деревня, их мир, общество внутри общества.

Здесь, в баррио, большинство людей знают друг друга с самого рождения. Поэтому когда кто-то проявляет неуважение к округе, когда кто-то из Калвер-Сити ударит по голове железякой мамашу Льюти, или пырнет ножиком Бобра, или стукнет палкой Таво, или выстрелит в спину Засоне, тогда-то округа и должна позаботиться о том, чтобы кого-то из Калвер-Сити стукнули, или пырнули, или подстрелили. Защищать честь округи — мужское дело.

Когда человеку двадцать пять — разумеется, если он доживает до этого возраста,— он немного утихомиривается. Кто-то из земляков находит работу — в службе городской канализации, в коммунальном хозяйстве, в службе доставки, на любой работе, которую можно получить. Почти у всех уже есть дети, и парни ценят жизни, которые они создали, они никого не стреляют, если их не довести до ярости. Поэтому стрельба — дело молодежи. Банды графства Лос-Анджелес насчитывают до семидесяти тысяч членов — это вместе с бандами самоанцев, азиатов, черных, белых, индейцев и разных других. Улицы их районов — что линии фронта. Но в последнее время молодежь вроде Йоги или Котика позабыла о «чести». Калвер-Сити — соперничающая банда чиканос, живущих неподалеку в построенных по правительственному проекту домах — за последние десять дней уже два или три раза стреляла по ребятам из Оквуда. Если молодые ребята, как Йога и Котик, хотят стать настоящими земляками, они должны, как говорит Котище, быть готовы к драке. Это традиция. Теперь все не так. Потому что, говорит Котище, появился кокаин, и героин, и крэк. Вот молодняку и наплевать на честь Оквуда.

«Тише! Тиш-ш-ше!»

Йога оживает. У него расширяются глаза.

«Что там такое?» — спрашивает Котик.

«Шум»,— отвечает Йога. Он поднимается с кровати, заглушает радиоприемник, выключает вентилятор, прислушивается.

«Тихо! Эй! Йога! Йога! Впусти меня!»

Йога отдергивает занавеску на окне над кроватью. На улице светло. Пальмы шуршат под ветерком, в комнату доносятся запахи синего моря и розовых гортензий, фасоли и выхлопов старых «шевроле». На улице стоит Пантера. У него в поднятой руке «булыжник» на двадцать долларов. Пантера вежливо стучит в переднюю дверь, здоровается с мамашей, бабушкой и сестричкой Йоги, потом проходит в заднюю комнату, где Йога проводит все свое время. Мамаша Йоги думает, что они там смотрят телевизор, по крайней мере, так говорит Йога. За последние месяцы Йога никогда не выходил из своей комнаты больше чем на час. Это бывает, когда куришь крэк, а именно покурить крэк и собираются Йога и Пантера, и Котик. Йога режет «булыжник» бритвенным лезвием, затягивается. У него зудит в мозгу, свет меркнет, он улыбается.

Затем, через минуту, улыбка отступает, ощущение уходит. Он начинает думать о следующей порции.

Следующая порция. Еще одна порция. Он не может думать больше ни о чем, ему больше ничего не нужно. Проблема в том, что с каждым следующим «броском» удовольствие становится слабее, а желание сильнее. Это — как пристрастие к героину, разница только в том, что пристрастие к крэку приходит сразу, а не через неделю или месяц. О крэке нельзя не думать. Каждая мысль вертится вокруг следующей затяжки, и каждая следующая затяжка хуже предыдущей, но тебе не до того.

«Так что же мы будем делать?» — спрашивает Йога, сидя на кровати в своей узенькой комнате. Время около полудня, а дури уже опять нет. Чтобы достать в округе «булыжник», надо выйти из дома и повернуть направо или налево. Днем или ночью можно купить кокаин у мужчины или у женщины, у парня или у девчонки, на перекрестке, на бульваре, из окна дома, в многоквартирном здании, в обычной машине, в спортивной машине, у водителя «кадиллака», у велосипедиста, у любого крыльца. Торговля идет непрерывно, торговцы здесь всякие, начиная от вальяжных ловкачей с рекламными куплетами до костлявых мужичков с больной от постоянного похмелья головой, которые с шести утра бродят по улицам, как привидения из фильмов ужасов, пытаясь продать еще один «булыжник», чтобы опохмелиться. Днем Венеция переполнена «гавачос» — белыми в прекрасных автомобилях. Торговцы «булыжником» вылезают из-за углов, хитрят и дерутся за место, засовывают руки в машины, убеждают, хватают, кричат: «Купите!» «У меня!» «Заметано!»

Ни Йога, ни Котик не работают и не имеют денег, и дни похожи один на другой. С утра вполне взрослые парни выпрашивают у матерей или бабушек пять-десять долларов под каким-нибудь мало-мальски благовидным предлогом. Получив деньги, они покупают на пару затяжек дури. Делают эту пару затяжек и сразу же начинают выпрашивать еще денег.

В дверь стучат. Йога бросается к двери, предвкушая крэк, и медоточивым голосом спрашивает: «Кто там?»

«Я!»

Котище!

Йога и Текила смотрят друг на друга. Время настало. Надо дать ответ Котищу. Пять лет назад, когда Котика еще звали Дэвид, он пошел к Котищу и спросил, может ли он носить его имя. Котище был польщен. Котище хотел этого. Но была и проблема. Уже был парень, который называл себя Котиком, хотя, как потом оказалось, он переметнулся в другую банду. Если Дэвид хочет носить имя Котик, сказал Котище, Дэвид должен это заслужить. Дэвид побил парня и забрал его имя. После этого его знали как Котика. И он должен был верно служить Котищу. И вот теперь Котище пришел за ответом.

«Ну, и что ты мне скажешь?» — говорит Котище.

«Я ничего не буду делать»,— отвечает Котик.

Котище глядит на них, не веря своим глазам. Он глядит на них целую минуту. Целую минуту... Потом взрывается: «Да вас же однажды пристрелят, земляки! На той неделе в вас три раза стреляли. Мне что, самому заняться этими? Что с вами случилось? Вы совсем готовы, что ли?»

«Почему я должен что-то делать?» — спрашивает Котик, пожимая плечами.

Йога тоже пожимает плечами.

Текила тоже пожимает плечами.

Проходит несколько мгновений. Котище смотрит. Его губы растягиваются в напряженной улыбке, и над ними появляются капельки пота. Его зубы сжаты, и видно, как напряглись челюсти. Он переводит взгляд на ковер. На ковре валяются бумажки, пучки ниток, рассыпан кучками сигаретный пепел. И каждая такая кучка кажется ему «булыжником». Или могла бы быть «булыжником».

«Дай затяжечку»,— говорит Котище...

Перевел с английского
Д. ШЕМОНАЕВ

ПОЦЕЛУЙ

Ксавье ФОШ,
Кристиана НЕЦЛЕН,
французские журналисты

А ведь было. Поцелуй, впервые показанный на киноэкране в сороковых годах, вызвал у американцев шок. Естественным основанием для осуждения стала не нравственность — гигиена. И в этом нет ничего удивительного. Точно так же, как до сих пор, когда девушка просит разрешения пойти погулять, родители для оправдания своего отказа приводят тот довод, что ей якобы «нужно спать», и таким образом избегают драмы, которая разыгралась бы, признай они истинную причину своего запрета. Так и санитарно-гигиенические соображения всегда были именно такой удобной формой сказать «нет!». В этом ключе и выступил в дискуссии о кинопоцелуе Союз женщин-христианок Нью-Йорка в поддержку нравственности: «Поцелуй — варварская и нездоровая привычка, с которой нужно бороться. Когда поцелуя избежать нельзя, перед ним, по меньшей мере, необходимо произвести полоскание рта антисептическим препаратом». В то же самое время доктор Крастер выступил с циклом лекций на тему неудобств, связанных с поцелуем. Он не только противник поцелуя, но также открытый враг губной помады, которая «привлекает микробы подобно тому, как липкая бумага притягивает мух». В другом репортаже из газет того времени узнаем о проведении конгресса по призыву Санитарного совета штата Нью-Джерси, где было вновь подчеркнуто, что поцелуй противоречит законам гигиены. Однако всегда найдутся «еретики». Доктор Бриджер, не отступая ни перед чем в интересах науки, подверг себя экспериментам, позволившим ему утверждать, что «поцелуй не только не вреден для здоровья, но сопровождается передачей таких микроорганизмов, комбинация которых в большой степени способствует пищеварению».

Так же, как и в наше время появляются новые профессии (например, «толкачи» на станциях метро в Японии, заталкивающие пассажиров в вагоны), в 30-х годах на железной дороге в Колумбии появились «контролеры поцелуев». В те времена в этом городе с испанскими традициями шутки с моралью не проходили, и «Компания железных дорог Боготы» приложила все силы, чтобы ее вокзалы не стали «местами разврата». Оказывается, чтобы не встречаться где-нибудь в парке или в кафе под обстрелом любопытных и осуждающих взглядов, молодые колумбийцы изобрели оригинальный способ свиданий. Вместе с предметом своей пламенной страсти вы идете на вокзал. Покупаете два билета на вход на перрон, где у вагонов обнимаются родственники и друзья: глаза их наполняются влагой, а сердца разрываются на части. (Отметим, что в наше время при отправлении скоростных поездов слез не увидишь.) Вы также бросаетесь друг к другу в объятья, целуетесь с отчаянной страстью двух дорогих существ, которых непререкаемые жизненные обстоятельства разлучают на долгие времена. Двери вагонов закрываются. Раздается свисток. Но что это? Пара, которая должна была расстаться, посылает знаки прощания гипотетическому путешественнику, а затем направляется в зал ожидания до отправления следующего поезда. Если учесть, что таких «провожающих» набиралось на перроне человек пятьдесят на каждого отъезжающего, то «контролерам по поцелуям» работы было достаточно.

Подобное явление наблюдалось и во Франции на вокзале Сен-Лазар, хотя поведение влюбленных было менее дерзновенным. «Г-н Фрерон, муниципальный советник,— писали в газетах 7—8 ноября 1948 года,— сообщил нам, что в более или менее темных местах вокзала происходят подпольные свидания, которые переходят в более или менее близкие «встречи». Об этой проблеме было сообщено префекту полиции г-ну Леонару, который дал указание инспекторам полиции совершить обход вокзала Сен-Лазар.

Путь поцелуя к общественному признанию лежал через многочисленные судебные тернии. В начале 70-х относительная «невинность» поцелуя уже достаточно прочно вошла в наши нравы, и это позволило одному из заседаний префектурного суда вынести определение, что, цитируем, «отдельный поцелуй, которым обменялись замужняя женщина с мужчиной, не являвшимся ее мужем (или наоборот), может не иметь особых последствий. Простые поцелуи в щеку могут быть в действительности лишь знаками искренней дружбы. С другой стороны, если бы речь шла о поцелуях в губы, то подобная вольность могла бы стать оскорбительной лишь в том случае, когда повторилась неоднократно, отдельный же поцелуй лишь незначительно задевает супружеское чувство». Закон суров, но справедлив.

Словом, поцелуй обрел единодушное признание. Но почему, скажите, в наши дни, когда случается увидеть на улице целующихся влюбленных, отчего-то думаешь: «Значит, такое еще бывает...», и вспоминаешь о ракушках, которые собирал в детстве, о корабликах из магазина игрушек, о сыре, который имел вкус настоящего сыра, короче, о том, что было, нет, не в далеком прошлом, а вот, «несколько лет назад».

Чем объяснить исчезновение целующихся влюбленных парочек? Рождается ли новый стыд или распространяется, как эпидемия, мещанская чопорность? Или же серьезность захватывает молодых, обеспокоенных своим будущим, тем, что трудно сдавать экзамены, что возросла конкуренция за любое рабочее место и т. д. и т. п.? Люди попрежнему любят друг друга, но теперь это чувство уже не стоит в ряду величайшего счастья. Величайшее счастье теперь находится справа или слева по линии политического горизонта.

А может быть, все это из-за терпимости родителей, не возражающих ныне против того, что подруга сына засиживается в его комнате допоздна, тогда как раньше шаги в коридоре или косой взгляд матери лишали решимости и делали улицу более приветливым местом?

Наконец, может быть, исчезновение целующихся вообще связано с ослаблением чувств, потому что люди не верят больше, что слово «любовь» может сочетаться со словом «вечная»?

Перевел с французского А. ПАВЛОВ

Н

«HADES» («Хейдиз»), группа «Гадес» (по греч. миф.— бог подземного царства) образовалась в 1985 г. в США.

Исходный состав: Дэн Лоренцо, гит.; Алан Теккио, вок.; Джимми Шулман, бас; Скот Ле Пейдж, гит.; Том Кумбз, уд.

Квинтет из Нью-Джерси дебютировал песней «Easy Way Out» **и сразу же обратил на себя внимание необычной манерой игры: в музыке группы отчетливо прослушиваются ходы, характерные для «Лед зеппелин», «Раш» и даже «Колоссеум-2». Выделяется барабанщик Кумбз, явно тяготеющий к джазу. Наиболее правильным определением стиля «Х.», наверное, будет «тяжелый и мелодичный трэш-метал».**

Первая пл. «Сопротивляясь успеху» была хорошо принята муз. обозревателями, а второй альб. «Если вначале ты не преуспел», вопреки названию, оказался еще более удачным: здесь заметно влияние классической музыки, а сами композиции стали еще более «тяжелыми».

Следует отметить, что «Х.» намеренно не рекламируют свои работы в муз. изданиях, а группы типа «Бон Джови» и «Деф леппард» считают «одержимыми деньгами позерами». Несмотря на коммерческий успех своих пл., «Х.» не собираются уходить с независимой фирмы грамзаписи «Торрид рекордз».

Пл.: Resisting Success, 1987; If at First You Don't Succeed, 1988.

Изменения состава: 1987 — Ле Пейдж, +Эд Фурмен, гит.

HALEY, BILL. **Билл Хейли (полное имя Уильям Джон Клифтон Хейли-младший), амер. вокалист, гитарист, композитор. Род. 6 июля 1925 г. (по данным амер. рок-энц.) или в 1927 г. (по англ. рок-энц.), умер 9 февраля 1981 г.**

Б. Х. начинал как певец кантри, свою первую пл. записал в 1945 г., затем несколько лет выступал в различных кантри-энд-вестерн группах как певец и гитарист. В 1949 г. Б. Х. стал работать диск-жокеем на радио в Пенсильвании. Одновременно он организовал группу «Four Aces Of Western Swing» **(позже ее название изменилось вначале на** «Down Homers», **а затем** «Saddlemen»**), с которой записал множество кантри-песен и классических негритянских ритм-энд-блюзов. В 1952 г. он снова переименовал группу — в** «Bill Haley And His Comets» **— известный ритм-энд-блюз** «Rock the Joint» **в их исполнении стал амер. хитом, а собственная композиция Б. Х.** «Crazy Man Crazy» **(1953) оказалась первым рок-н-роллом, попавшим в хит-парад журнала «Биллборд». Но мировая известность пришла в 1955 г., когда песня Б. Х.** «Rock around the Clock» **заняла верхнюю строчку в таблицах популярности и США, и Англии и стала символом рок-н-ролла. В 1956 г. Б. Х. уже был самым известным исполнителем рок-н-роллов в мире.**

В 1957 г. Б. Х. гремел в Англии, но на родине его звезда постепенно закатывалась: два голливудских фильма с его участием («Rock around the Clock» **и** «Don't Knock the Rock»**) представили музыканта в образе, весьма далеком от того бунтаря, которого он воспевал в своих рок-н-роллах.**

Впоследствии Б. Х. был популярен лишь в Англии и ФРГ (его знаменитый хит семь раз побывал в англ. хит-параде — последний раз в 1974 г.), со своими «Кометами» он устраивал ежегодное шоу, снял документальный фильм «Let the Good Times Roll». **К моменту его смерти было выпущено более 60 млн. пластинок (сейчас эта цифра приближается к 100 млн.).**

Пл. (EP): Crazy Man Crazy, 1953; Shake Rattle and Roll, 1954; Rock around the Clock, 1955; Dim, Dim the Lights, 1955; Rock'n'roll, 1956; Live it Up 1, 1956; Live It Up 2, 1956; Live It Up 3, 1956; Rock'n'roll Stage Show 1, 1956; Rock'n'roll Stage Show 2, 1956; Rock'n'roll Stage Show 3, 1956; Rockin'the Oldies 1, 1958; Rockin the Oldies 2, 1958; Rockin' the Oldies 3, 1958; Rockin' around the World, 1959; Bill Haley and His Comets, 1959; Haley and His Comets, 1960; Haley's Juke Box, 1961; Bill Haley, 1964; Bill Haley 2, 1964.

(LP): Rock around the Clock, 1955; Rock'n'roll Stage Show, 1956 (концертный); Bill Haley and the Comets, 1959; Strictly Instrumental, 1960; He Digs Rock'n'roll, 1961; Twistin' Knights at the Round Table, 1961; Rock the Joint, 1963; Chicks, 1964; Greatest Hits, 1968 (сборник); Rock'n'roll, 1970; On Stage, 1970 (концертный); Rock around the Country, 1971; Golden King of Rock, 1972 (сборник); King of Rock, 1973 (сборник); Just Rock and Roll Music, 1973 (сборник); Mister Rock'n'roll, 1974 (сборник); Golden Hits, 1974 (сборник); Live in london'74, 1974 (концертный); Rare Items, 1975 (сборник); Scrapbook, 1975 (сборник); Bill Haley Collection, 1976 (сборник); R. O. C. K., 1976 (сборник); Armchair Rock'n'roll, 1978; Golden Country Origins, 1978 (сборник); 20 Golden Pieces, 1979 (сборник); Everyone Can Rock'n'roll, 1979 (сборник); Rockin' and Rollin', 1981 (сборник); Greatest Hits, 1981 (сборник); Tribute to Bill, 1981 (сборник); Rock'n'roll Revival, 1981 (сборник); Rock'n'roll Forever, 1981 (сборник).

Состав «Комет» Билла Хейли: Руди Помпелли, сакс.; Фрэнсис Бичер, гит.; Дон Реймонд. уд.; Джон Грэнд, клав.; Билли Уильямсон — гит.; Эл Рид, бас; Билл Хейли, гит., вок.

«HALL AND OATES». **«Холл энд Оутс», амер. дуэт образовался в 1969 г. в Филадельфии.**

Состав: Дэрил Холл, вок.; Джон Оутс, вок., гит.

По оценке журнала «Биллборд», Холл и Оутс являются самым «хит-парадно» удачливым дуэтом в истории поп- и рок-музыки: по количеству композиций, занимавших первые места в хит-парадах, они затмили Саймона и Гарфанкела, с 1976 г. их песни постоянно находятся в таблицах популярности США и Западной Европы.

Д. Холл профессионально занимался вокалом и клавишными, Дж. Оутс учился в колледже на журналиста. В 1969 г. Холл организовал группу «Гулливер» (в том же году вышла ее единственная пл.) и перед ее распадом познакомился с Оутсом. Некоторое время они работали раздельно, но в 1972 г. подписали контракт с фирмой «Этлэнтик» и записали первый альб.: явный фольклорный уклон музыки дуэта не привлек внимания слушателей. В следующей пл. разрабатывалась стилистика ритм-энд-блюза, а альб. 1974 г., который продюсировал Тодд Рандгрен, оказался не только концептуальным, но и хард-роковым и за короткое время стал «золотым». Диск «Значительнее, чем мы оба» (1976) приобрел «платиновый» статус и обеспечил «золото» всем предыдущим работам дуэта; здесь же был и их первый хит № 1 «Богачка».

Холл некоторое время сотрудничал с Робертом Фриппом (их совместный альб. «Священные песни» был выпущен в 1980 г., спустя три года после записи). К концу 70-х — началу 80-х гг. музыка дуэта все сильнее тяготеет к соул, музыканты работают с Дайаной Росс и Джейн Аллен, Холл помогает в записях Элвису Костелло, в 1985 г. дуэт выступает с такими «королями» соул, как «Темптейшнс», Дэвид Раффин и Эдди Кендрикс.

В прошлом году, после длительного перерыва, дуэт записал новый альб., стиль которого можно назвать «тяжелым ритм-энд-блюзовым соул».

Пл.: Whole Oates, 1972; Abandoned Luncheonette, 1973; War Babies, 1974; Daryl Hall/John Oates, 1975; Bigger Than Both of Us, 1976; No Goodbyes, 1977; Beauty on a Back Street, 1977; Past Times Behind, 1977 (сборник вещей 1971—1972 гг., не вошедших в предыдущие пл.); Along the Red Ledge, 1978; Live Time 1978 (концертный); X-Static, 1979; Voices, 1980; Private Eyes, 1981; H_2O, 1982; Greatest Hits, Rockin' Soul Part I, 1984 (сборник); Big Ban Boom, 1984; Live at the Apollo, 1985 (концертный — с Эдди Кендриксом и Дэвидом Раффином); Ooh, Yeah!, 1988.

Дэрил Холл соло: Sacred Songs, 1980 **(с Робертом Фриппом).**

«HALLOWS EVE». **(«Хеллоуз ив»), группа «Святые мощи» образовалась в 1985 году в США.**

РЭР вне очереди

В течение многих лет читатели просили нас рассказать о творчестве французской группы «Рокетс», но, увы, даже французская музыкальная пресса не очень-то баловала группу вниманием (может, потому, что большинство из своих девяти пластинок французы записывали на итальянской фирме CGD!). Но наконец у нас эта информация появилась.

Группа образовалась в середине 70-х, исходный состав: Кристиан Лебар — вок., Жерар Лэр — бас, вок., Ален Маратра — гит., клав., вок., Б. Торелли — гит., М. Губэ — клав., Ален Грецингер — уд. Обилие клавишных предполагало и особое звучание, но не менее важным был сценический имидж группы: эдакие пришельцы из космоса. «Космическая тематика» превалировала и в названиях дисков — «Рокетс», 1978; «Снова в пути», 1978; «Звук будущего», 1979; «Пластероид», 1979; «Галактика», 1980; «П3,14», 1981; «Атомный», 1982... Тут следовало бы прерваться, потому что в 1982—1983 гг. происходит изменение состава, от прежних «Ракет» остались Маратра, Лэр и пришедший чуть позднее Фабрис Куаглиотти, но появились вокалист Сал Соло и еще два музыканта. И с этого момента музыка «Рокетс» очень изменилась — в этом можно убедиться по пластинке «Несовершенство восприятия», 1984, и последней работе, пластинке 1986 г. «Одностороннее движение» — отошли на второй план «космические» эффекты, и композиции стали более лиричными и тонкими.

Исходный состав: Томми Стюарт, бас; Стейси Андерсон, вок.; Дэвид Стюарт, гит.; Ронни Апполдт, уд.; Хью Скеллатор, гит.

Предельно жесткий и насыщенный сменами настроения пауэр-метал с заметными элементами трэш-метал привлек внимание любителей этого направления к группе «Х. и.». Дебютный альбом группы «Страшные истории» оказался настолько удачным, что и по сей день считается классикой стиля.

Вторая пл. явилась своего рода шагом назад: неуклюжие аранжировки, невыразительная работа ударных дали основания обвинить группу «в потере профессионализма». Альб. прошлого года тоже не блещет интересными находками, но верные поклонники группы не теряют надежд...

ПЛ.: Tales of Terror, 1985; Death and Insanity, 1986; Monument, 1988.

Изменения состава: 1986 — Апполдт, +Тим Хелтон, уд., — Скеллатор; 1988 — Хелтон, +Роб Клейтон, уд.

HARD ROCK. (Хард-рок). Дословно: жесткий или тяжелый рок. Понятие настолько всеобъемлющее, что многие не видят разницы между собственно рок-музыкой и этим, одним из ее наиболее массовых и популярных ответвлений.

Резкости в рок-музыке хватало всегда — первые рок-н-роллы именно поэтому раздражали слушателей, привыкших к обтекаемой, плавной передаче музыкальных идей. Хард-рок, «призрак» которого витал в композициях поп-групп с первой половины 60-х гг., впервые принял относительно четкую форму в музыке таких групп, как «Блю чиэр» и «Крим» (хотя однозначно определить авторство невозможно: идея действительно носилась в воздухе, элементы хард-рока появлялись и в музыке «Битлз», «Роллинг стоунз», «Ярдбердз»).

Композиции в стиле хард-рок вызывают субъективное ощущение тяжести, достигаемое за счет выделения ритм-секции на передний план, что требует от музыкантов виртуозного владения своими инструментами (на заре становления поп- и рок-музыки ритм-секция — ударные, бас-гитара или контрабас, ритм-гитара — выполняла вспомогательную роль, основная нагрузка приходилась на клавишные и гитару). Но в хард-роке, помимо «выпуклости» ритм-секции, все входящие в нее инструменты напрямую связаны с мелодическим лидером — гитаристом или клавишником, поэтому здесь не может быть обособленной импровизации одного инструмента, а это означает, что в импровизации участвуют все инструменты группы, создавая целостность и монолитность произведения.

Как самостоятельное направление хард-рок выкристаллизовался в конце 60-х гг., и благодаря тому, что в законченном виде его донес до слушателей выдающийся гитарист Джими Хендрикс, хард-рок с тех пор предполагает исполнение виртуозными инструменталистами, что пошло только на пользу и музыке, и ее поклонникам. К началу 70-х гг. появились группы-исполины, блиставшие не только тяжестью своего хард-рока, но и исключительным композиторским талантом и исполнительским мастерством: «Лед зеппелин», «Дип перпл», «Блэк сэббет», «Назарет», «Гранд Фанк Рейлроуд» и многие, многие другие, почти 30 лет назад определили законы и рамки хорошего тона хард-рока сегодняшнего дня.

В заключение можно сказать, что синтез хард-рока с другими направлениями рок-музыки, как правило, дает интересные результаты — так появился тяжелый арт-рок («Арджент», «Раш»), хард-фьюжн («Сантана», «Оркестр Махавишну»), тяжелая психоделия («Хокуинд», «Спирит»), а также такие стили, как глиттер-рок, тяжелый ритм-энд-блюз, хард-кор.

«STEVE HARLEY AND COCKNEY REBEL» («Стив Харли энд Кокни Ребел»), группа «Стив Харли и Бунтарь-кокни» образовалась в 1971 г. в Великобритании.

Исходный состав: Стив Харли, вок.; Стюарт Эллиотт, уд.; Жан-Поль Крокер, скрипка; Пол Джеффриз, бас; Милтон Рими Джеймс, клав.

Лондонский журналист Стив Харли, специализировавшийся на уголовной хронике, в 1969 г. организовал группу «Броукен Янг Лорд», которая просуществовала до 1971 г., не выпустив ни одной пл. В 1971 г. Харли пытался создать дуэт с бывшим лидером «Пинк Флойд» Сидом Барреттом, но и из этой затеи ничего не вышло. Тогда же Харли познакомился с Аланом Парсонсом, который порекомендовал ему музыкантов для группы (Парсонс продюсировал первые пл. «С. Х. К. Р.»).

Работа над первым альб. заняла больше года, и появившийся в 1973 г. «Бродячий человеческий зверинец» произвел шок среди англ. любителей рока. Музыкальное направление новой группы представляло эклектичную смесь «попсы», обрывков шотландских народных мелодий, хард- и арт-рока, на фоне которых полный сарказма и иронии вкрадчивый голос рассказывал о злоключениях бродяг и развлечениях знати, о трагедиях и фарсе бытия, о преступниках и героях. Альб. немедленно попал в хит-парад и по итогам года был признан «самым ярким дебютом англ. рока».

В своих последующих пл. группа С. Харли продолжала разрабатывать тему «комедии и трагедии жизни», придерживаясь при этом найденной музыкальной стилистики. Среди пл. группы выделяются «Психомодо» (она считается лучшей в репертуаре «С. Х. К. Р.») «Полет без времени» и «Примадонна-любовь». Работы конца 70-х гг. тяготели к размытой музыкальной форме, тексты постепенно превращались в самопародии, исчез элемент гротеска, составлявший главную прелесть группы; в 1982 г. после многочисленных изменений состава «С. Х. К. Р.» распались.

С. Харли надолго отошел от музыки — в 1984 г. он написал документ. повесть «Дно под вами» о работе репортера уголовной хроники, провел несколько дел в качестве частного детектива. В 1985 г. Харли подписывает контракт с фирмой «Ар-эй-кей», записывает мини-альб., начинает работать в театре над собственным мюзиклом «Марлоу», а в январе этого г. вновь собирает свою группу и отправляется в турне по Англии, по завершении которого предполагает записать студийную пл.

Пл: The Human Menagerie, 1973; Psychomodo, 1974; The Best Years of Our Lives, 1975; Timeless Flight, 1976; Love's a Primadonna, 1976; A Closer Look, 1976; Face to Face, 1977; Hobo with a Grin, 1978; Candidate, 1979; Best of Steve Harley and Cockney Rebel, 1980 (сборник); Irresestible, 1985 (mini — LP); Heartbreak Like Thunder, 1986 (EP); Greatest Hits, 1988 (сборник).

Состав на момент распада в 1989 г.: С. Харли; С. Эллиотт; Линдсей Эллиотт, уд.; Джон Гиблин, бас; Нико Рамзден, гит.; Джимми Хоровитц, клав.

HARPER, ROY. Рой Харпер, певец, композитор, гитарист. Род. 12 июня 1941 г. в Великобритании.

Начинавший как фолк-певец Р. Х. стал известен всему миру как человек, которому «Лед зеппелин» посвятили песню «Шляпы долой перед Харпером!», записанную на их третьем альб. Однако в Англии он не менее знаменит и как исполнитель эксцентричных композиций.

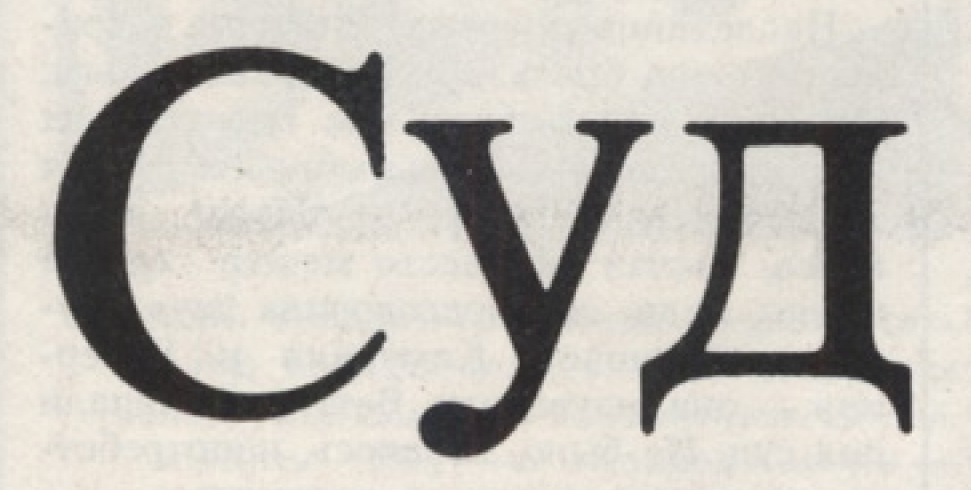
В 15-летнем возрасте Р. Х. бросил школу, и вскоре его призвали на службу в военную авиацию. После демобилизации он стал уличным певцом. В 1964 г. Р. Х. переехал в Лондон и стал выступать в клубах вместе с такими музыкантами, как Джимми Пейдж, Джон Пол Джонс и Ронни Лейн.

В 1971 г. в записях пл. Р. Х. регулярно принимает участие Дж. Пейдж. Среди других музыкантов, помогающих певцу, также Генри Маккаллох, Билл Брафорд, Крис Спеддинг. В 1972 г. Р. Х. дебютировал в худ. фильме «Сделано в Англии», он также исполнял ведущую вокальную партию в песне «Не хотите ли сигару?» на пл. «Пинк Флойд» 1975 г. Р. Х. много гастролирует в Европе, регулярно выпускает пл., его репутация в муз. кругах очень высокая.

Пл.: Sophisticated Beggar, 1967; Come out Fighting, Genghis Smith, 1967; Folkjokeopus, 1969; Flat Baroque and Bersek, 1970; Stormcock, 1971; Life Mask, 1973; Valentine, 1974; Flashes from the Archives of Oblivion, 1974 (сборник); When an Old Cricketer, 1975; HQ, 1975; Bullinamingvase, 1977; One of Those Days in England, 1977; Commercial Break, 1977; The Early Years, 1977 (сборник ранних вещей); Roy Harper 1970—1975, 1978 (сборник); Unknown Soldier, 1980; Work of Heart, 1982; What Ever Happened to Jugular?, 1984; Born in Captivity, 1985; In Between Every Line, 1986 (2LP — Live); Descendants of Smith, 1988; Loony on the Bus, 1988 (сборник ранее не выходивших вещей 1977—1988).

Обложка одного из первых изданий книги Гюстава Флобера «Мадам Бовари»

**Анри ТРУАЙЯ,
французский писатель**

Работа закончена. «Госпожа Бовари» начала жить. Рукопись отправлена в журнал «Ревю де Пари». Журнал молчит, Флобер ждет: «...Пока я писал только для себя, я жил в абсолютной безмятежности искусства. Теперь по отношению к литературе я испытываю ненависть бессилия».

Он ждет, а тем временем в «Ревю де Пари» Луи Ульбах и Лоран-Пиша уже ознакомились с рукописью и испугались, что она вызовет скандал. Цензура при Второй империи очень строга. Власти и так уже считают журнал слишком либеральным. А вдруг они под предлогом аморальности романа окончательно запретят журнал?

— Что мы собираемся печатать? — заявил Ульбах.— Произведение странное, дерзкое, циничное в своем отрицании, безрассудное из-за избытка рассудка, ложное из-за излишнего стремления к правдивости деталей; без возвышенной грусти, без порыва... без любви.

14 июля Флобер получает из редакции письмо: «Мы сделаем сокращения, которые сочтены необходимыми. Ты завалил свой роман хорошо написанными, но бесполезными вещами; он недостаточно хорошо виден; его надо просто расчистить — это несложно. Под нашим наблюдением это сделает опытный и ловкий человек...»

Текст, который стоил ему стольких сил, оказывается, позволительно судить с таким легкомыслием. «Грандиозно!» — отмечает он на обороте письма и бросается в Париж, чтобы встать на защиту своей книги. В номере от 1 августа 1856 года «Ревю де Пари» объявляет о публикации «Госпожи Бовари» («Провинциальные нравы»). Имя автора искажено опечаткой: не хватает буквы «л». «Фобер». Фобер — это имя бакалейщика с улицы Ришелье, что напротив «Театр Франсэ».

— Такое начало не предвещает ничего хорошего,— записывает Флобер.— Меня еще не напечатали, но уже подменили.

В Круассе стоит очень жаркое лето, мошкара взбесилась. Флобер урывками работает и с нетерпением ждет вестей о «Бовари». 21 сентября 1856 года он получает хорошую новость: роман начнет печататься без сокращений с 1 октября. Получив первый номер журнала и увидев свою прозу напечатанной, Флобер испытывает гордость... и стыд. Он отправил свои мечты на продажу. Эмма, его Эмма, спутница стольких бессонных ночей, теперь принадлежит всем. Одно он знает точно: в его тексте ничего не изменено. Он благодарит за это Лоран-Пиша и подтверждает свою решимость ничего не смягчать в повествовании:

— Неужели вы думаете, что эта отвратительная действительность, воспроизведение которой вам так не нравится, не разрывает мне сердце? Если бы мы были ближе знакомы, вы бы знали, что я веду обычную ничтожную жизнь... Но в этот раз, и только в этот раз, я решил прожить ее до дна. Поэтому я взялся за дело героически: описал все очень тщательно, ничего не отверг и ничего не утаил. Я выражаюсь непонятно. Но думаю, этого достаточно, чтобы вы поняли, почему я сопротивлялся вашим критическим замечаниям, какими бы справедливыми они ни были. Вы хотели, чтобы я сделал другую книгу... Но искусству не нужны ни снисходительность, ни любезность. Вера, только вера и свобода.

В ноябре 1856 года «Ревю де Пари» пока неофициально предупредили, что журналу грозит судебное разбирательство, если он будет продолжать публиковать «Госпожу Бовари» в том же виде. Редакция снова пытается получить согласие Флобера на ликвидацию сомнительных мест в книге. Флобер наотрез отказался. Максим дю Кан, директор «Ревю», настаивает:

«Дело совсем не шуточное,— пишет он Флоберу 18 ноября 1856 года.— Сцена в фиакре просто невозможна. Не для нас — нам на это плевать, не для меня, хоть я и подписываю номер, а для уголовной полиции, которая вынесет нам суровый приговор... У нас уже два предупреждения, они подстерегают нас и не упустят удобного случая...»

Получив номер от 1 декабря 1856 года, Флобер обнаружил, что многие купюры были сделаны без его согласия. Он взорвался: «Если редакция считает, что я компрометирую журнал, есть простой выход из положения — прекратить публикацию романа. Мне уже все равно».

И добавил:

— Убрав сцену в фиакре, вы не смогли избежать скандала... Вы цепляетесь к деталям, а надо браться за все в целом. То, что вам не нравится в книге,— в глубине, а не на поверхности. Как нельзя сделать негра белым, так и нельзя изменить состав крови романа. Можно лишь убить его, и все.

В очередном номере появилось обращение Флобера к читателям следующего содержания: «Некоторые соображения, мною не одобренные, заставили редакцию журнала сделать сокращения в номере от 1 декабря. Аналогичные соображения снова возникли при подготовке настоящего номера, и редакция сочла допустимым убрать еще несколько эпизодов. В связи с этим я заявляю, что снимаю с себя ответственность за нижеследующие строки и прошу читателей рассматривать текст как отдельные отрывки, а не единое целое».

Флобер знал, что слухи об этой дерзкой книге уже дошли до правительства, за дело взялась прокуратура. Текст романа разглядывают под лупой. Обнаруживают там многочисленные «угрозы нравственности».

«Мое дело приобретает политическую окраску,— пишет он 1 января 1857 года своему брату Ахиллу.— Я покушаюсь на религию! Но наши замечательные чиновники настолько глупы, что ничего не понимают в религии, которую так рьяно защищают».

15 января его руанский адвокат метр Сенар сообщил ему, что дело передано в уголовную полицию. Наверное, Флобер все-таки ожидал такого поворота: «Я буду работать как раньше, то есть с той же ответственностью и так же независимо. Я понапишу им столько романов! Настоящих, правдивых!.. Я жду с минуты на минуту официального бланка, который укажет мне день, когда рядом с жуликами и проститутками я должен буду сесть на скамью подсудимых за преступление писать по-французски».

И все же он очень волновался, когда 29 января 1857 года предстал перед судом в уголовном отделении парижского Дворца правосудия. Генеральный проку-

рор начал свою обвинительную речь в резком тоне. Изложив вкратце сюжет романа, он выделил сцены, которые считал непристойными или богохульными. Свои слова он обильно подтверждал цитатами. Издатель, по его мнению, был лишь наполовину виновен, директор журнала мог оправдаться отказом публиковать скабрезные эпизоды, но автору произведения не было никаких оправданий.

— Искусство без правил — это не искусство,— провозгласил прокурор с комическим пафосом.— Это как женщина, раздевшаяся донага. Обязав искусство соблюдать общественные приличия, мы не обедняем его, но чтим. Возвыситься можно только согласно правилу.

«Когда поднялся метр Сенар для произнесения речи в защиту обвиняемого, публика затаила дыхание. В зале было много красивых женщин и несколько знаменитостей. Это был настоящий парижский процесс. Сенар говорил четыре часа подряд.

Анализируя роман главу за главой, он доказал, что речь идет о произведении глубоко моральном — ведь героиня наказана за свои ошибки. Он процитировал письмо Ламартина, где тот говорит, что «Госпожа Бовари» самое прекрасное произведение, которое он прочел за последние двадцать лет. Он зачитал полностью эпизод в фиакре и доказал, что в нем нет ни одной непристойности. Каждый выстрел попадал точно в цель».

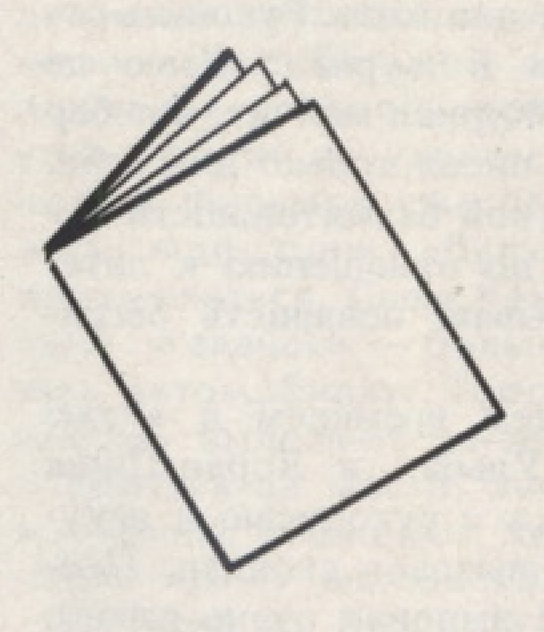
Флобер расправил плечи.

«В течение всей защитительной речи папаша Сенар выставлял меня как великого человека, а мою книгу как шедевр»,— пишет он в том же письме.

Приговор был объявлен 7 февраля 1857 года. Суд по-прежнему упрекал обвиняемых в легкомыслии, которое толкнуло их на публикацию оскорбительного для добрых нравов произведения, но тем не менее полностью оправдал их. Впервые за много месяцев Флобер вздохнул полной грудью. Но он сломлен, ему все опротивело.

«От моего процесса у меня осталось чувство физической и моральной подавленности. Я не могу пошевелить ни ногой, ни пером,— пишет он.—Эта шумиха, поднятая вокруг моей первой книги, кажется мне настолько чуждой искусству, что мне не остается ничего, кроме отвращения и усталости. Как я жалею о рыбьей флегматичности, которой я придерживался до сих пор. Кроме того, меня волнует будущее: что я смогу написать более безобидное, чем моя бедная «Бовари», которую, как шлюху, вытащили за волосы на суд уголовной полиции? Как бы там ни было, несмотря на то, что я оправдан, я остаюсь подозрительным автором. Сомнительная слава! Я не замедлю вернуться в свой дом среди полей, подальше от глаза людского, как пишут в трагедиях. Там я попробую сделать новые струны для моей бедной гитары, которую закидали грязью, прежде чем была спета ее первая песнь».

Перевела с французского
В. СТАРОВОЙТОВА

А. АНИН

Загадка

Стихотворения Катулла неоднократно переводились на русский язык и издавались в нашей стране. Их переводили Тредиаковский, Фет, Пушкин, Брюсов. Они входили в многочисленные хрестоматии древнеримской литературы (см., например, том «Античная лирика» в Библиотеке всемирной литературы или «Парнас. Антология античной лирики». М., 1980). Наиболее полное издание: Гай Валерий Катулл Веронский. Книга стихотворений. М., 1986.

Изображения Катулла не сохранилось, и мы не знаем, как выглядел этот человек, в стихах называвший себя «несчастливцем». Мы вообще мало достоверно знаем о нем. Он родился в Вероне, предположительно в 87 году до нашей эры, молодым человеком приехал в Рим, где встретил и полюбил Клодию. Это все. Год и место смерти неизвестны. Подробности жизни — в стихах, которых дошло до нас сто шестнадцать. Большинство их — о любви.

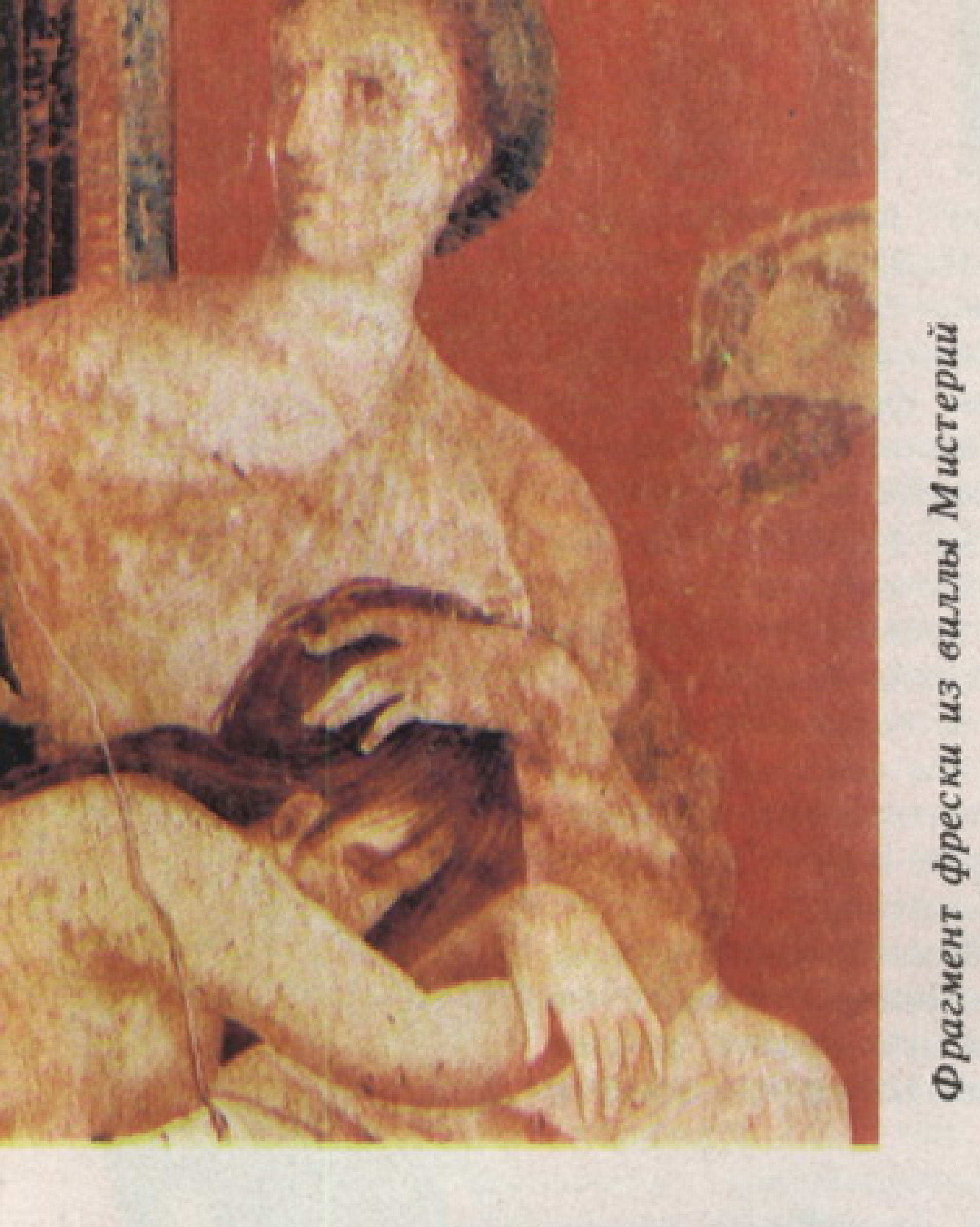
Кто были Катулл и Клодия? Он принадлежал к кружку молодых людей, которых мы сегодня назвали бы «богемой». Он проводил время в «таверне злачной» и писал то эротические стихи, то стихи, пересыпанные ругательствами. О ней известно несколько больше. Она происходила из знатного римского рода Клавдиев. Ее предок Аппий Клавдий Слепец построил дорогу Рим — Капуя («Аппиева дорога») и провел водопровод («Аппиев водопровод»), а весталка Клавдия закрыла своим телом консула-отца от рук покушавшегося на него трибуна. Мужчины из этого рода были с рождения обречены на богатство и предназначены для доблестной службы республике; женщины были обречены на образцовую добродетель. Клодия была первая, кто противоречила семейной традиции — словно умышленно издеваясь над заветами рода, она жила распутством и нисколько не скрывала этого.

Наследница родовых богатств, патрицианка, она брала с любовников деньги. Из садов над Тибром она смотрела на купающихся мужчин и выбирала их для себя. Когда ее любовник Веттий, издеваясь, послал ей вместо мешка серебра мешок меди, она подговорила двух других любовников, Камурция и Цесерция,— они изувечили Веттия и попали под суд. Не было, казалось, непотребства, до которого она не додумалась.

Катулл полюбил Клодию с первого взгляда. Он знал, какими словами называли ее в тавернах, но надеялся, что с ним она будет другой. Наивная, тщеславная мысль. Упоение счастьем есть в его первых стихах, обращенных к ней,— упоение и умиление. Он умиляется ее слезам и птенчику, прыгающему у нее на коленях. Верил ли он, что его любовь изменит ее? Да, верил. Верила ли она? Кажется, и она тоже. В ней не было ни преднамеренной жестокости, ни умышленной подлости — а только внутренний надлом, причину которого мы не знаем, надлом, который навсегда покалечил ее душу и сделал ее неспособной к верности, счастью и любви. Но рядом с этой верой в Катулле было предчувствие чего-то страшного, от которого он не мог избавиться ни тогда, ни позже. «Ну что ж? Еще ли медлишь умирать, Катулл?» — спросил он в одном из стихотворений.

Первая же измена Клодии показала Катуллу, что все его надежды напрасны. Как нам представить его отчаяние, близкое к помешательству, и измятую, в слезах, подушку, и ночную улицу, по которой он крался, чтобы воочию увидеть, как раб впускает на виллу Клодии ее очередного любовника — раб, который и его впускал? Как нам представить себе шум Тибра, лихорадочный шепот, пятна на щеках Катулла, горячие слезы и восковую табличку, испещренную беглыми строками? Это было не только оскорбленное самолюбие, но и униженная вера в добро; не только злость, но и обида — обида обманутого ребенка. Он, который только вчера презирал тех, кто сплетничал о Клодии, сегодня писал о ней самые злые бранные слова, которые только можно придумать.

Сумятица чувств, любовь, переходящая в ненависть, горечь напополам со счастьем, горячий поток заклинаний, ругательств, нежных лепечущих слов — вот что в его стихах. Стихотворения Катулла выдают необычайную слабость духа. Не Катулл владеет своим чувством, а оно им. На протяжении двадцати строк он может пережить пять состояний, может говорить на пять разных голосов. Вот, начав прощаться со своей любовью, он разбередил свою рану и довел себя до исступления, вспоминая ласки Клодии и с какой-то безжалостностью напоминая самому себе, что «претят уж ей твои ласки». Тут же он, еще весь в слезах, говорит о себе, что он — «сама твер-

Фрагмент фрески из виллы Мистерий

Катулла

дость» (но кто поверит?); но мужества его хватает ровно на пять строк — он снова обрушивается наземь, плачет, прощается и увещевает, и в словах его столько нежности к ней и заботы о ней: «Любимая, ответь, что ждет тебя в жизни? Кому покажешься прекраснейшей из женщин? Кто так тебя поймет? Кто назовет милой? Кого ласкать начнешь? Кому кусать губы?» — и все-таки в конце успевает выкрикнуть еще раз: «А ты, Катулл, терпи! Пребудь, Катулл, твердым!» — пять настроений в девятнадцати строках, целая жизнь в минуте. Это смешение чувств, это невероятно интенсивное страдание души многим современникам Катулла казалось безумием, ибо страсть (знали римляне) есть то, что противоречит разуму и природе. И если естественно для человека уклоняться от боли, то как же неестествен Катулл! И если разумно для человека быть последовательным в своих словах и делах, то как же неразумен Катулл в своем смятении чувств!

Клодия вела его от унижения к унижению — все ниже и ниже в ад любви. Она, жестокая, дала почитать его стихи своему очередному любовнику — это не просто измена, а измена подлая, не просто удар, а удар под дых. Ведь он это ей писал, ей одной! Лихорадка ревности, ночной бред ярости заливают его душу. Строки теснятся, бегут наперегонки, соревнуются: какая позлее, позабористее обругает ту, что предала Катулла? «Как узнать ее, спросите? — По смеху бала-ганному, по улыбке сучьей, по бесстыдной, разнузданной походке». Но ругань его — а ругается он страшно, называя Клодию то «подстилкой», то «дурной шлюхой», то «бардаком ходячим»,— как ни странно, не производит ощущения грязи: это те же слова, что звучат в подворотнях и пишутся на заборах, но тут они очищены огнем его страсти, тут в них кричит его бессилие, его боль и его мольба. Его ругань — молитва, вывернутая наизнанку.

И тут же, рядом, нежность. Тот, с кем Клодия изменяла ему, кто вызывал у него бешенство одним звуком своего имени, исчез и отошел бесследно, как ночь: сидя снова напротив Клодии, видя ее лицо и ее руки, ее глаза и улыбку, что может Катулл? Он снова предан ей и снова счастлив: «Тот с богами, кажется мне, стал равен, тот богов превыше, коль то возможно, кто сидит напротив тебя и часто видит и слышит, как смеешься сладко...»

Так они опять оказывались вместе. Так она возвращалась к нему раз за разом, так она раскаивалась, хотя ее сегодняшнее раскаяние ничего не обещало на завтра. Как Катулл был заложником своего чувства, так Клодия была заложником своего, которое тянуло ее пасть все ниже и ниже. Он не мог изменить ничего ни в себе, ни в ней, ни в их любви, которая оказывалась такой же раздерганной, несчастной мукой, как вся жизнь. Сумрачное, горькое чувство было в его строках, написанных после того, как она в очередной раз вернулась к нему,— это горечь оттого, что все могло быть иначе, выше и чище, если бы не было так, как есть. «Знаю я тебя теперь, и хоть страсть меня мучает жарко, много дешевле ты все ж, много пошлей для меня. Что же случилось? Твое безрассудство виной, что любовник жаждет тебя все сильней, но уже не может любить».

Многие стихотворения Катулла похожи на вопль обжегшегося человека, иные — на стоны и жалобы тяжко больного. Это и римлянам казалось, и устойчиво-нормальным натурам нашей эпохи кажется ненужным, преувеличенным, немужественным — страдать так громко, так слезливо. В Риме древнейшими законами XII таблиц даже на похоронах были запрещены излишние стоны и вопли — а тут все горе в любви, всего лишь в любви. Что такое страдание любви для хрестоматийной римской доблести — для Агулия Регула, отпущенного карфагенянами из плена под честное слово и вернувшегося к ним, чтобы быть замученным; для Муция Сцеволы, положившего руку в огонь? Такое страдание в глазах героев недостойно мужчины, так же как неустойчивость чувств, которой страдал Катулл. Стихотворения его — поэтический импрессионизм, мгновенные слепки с души, колеблемой то в одну, то в другую сторону ветром любви, огнем ревности, дождем плача. Но — если это слабость, то почему так сильно — сквозь века — воздействие стихов Катулла? Или, может быть, там, где мы видим слабость духа, на самом деле и сила? Кто скажет?

Любовь к Клодии была для Катулла идеей фикс, то есть тем, чему отдают все силы, о чем думают, говорят и пишут беспрерывно. Отчего это было так, а не иначе? Отчего он любил так больно и так несчастливо? Эти вопросы, конечно, не имеют ответа, а вернее, не имеют полного ответа: он любил так, потому что был таков, и Клодия любила так, потому что не могла иначе. Но любовь Катулла была столь самозабвенна и безнадежна еще и потому, что это была его единственная ставка в жизни. Он не занимался политикой, не служил в армии, не сколачивал состояния, хотя кошелек его был «паутинкой подернут»,— заниматься всем этим было для Катулла то же самое, что лезть в клубок кошек, дерущихся за кус мяса. И все, чего не было в жизни — спокойного достоинства, высокой верности, бескорыстия,— он пытался обрести в любви. В бурных грязноватых водах римской жизни он пытался создать остров любви для себя и для Клодии — остров, где два человека могли бы жить без унижений и слез. Он не мог избрать женщину, менее подходящую для такой попытки, чем Клодия, с ее страстью к изменам, с ее желанием пасть все ниже и ниже. Но, избрав, оставался верным. Верным — кому? Клодии? Или самому себе, своей наивной мечте обрести безмятежное счастье любви в деградировавшем, распадающемся в хаос, распутном и корыстолюбивом мире?

В мире, где превыше всего ценились сила и воля, Катулл воспел свою ранимую жертвенную любовь. В мире, где уважением пользовалась сила богатства, власти или кулака, Катулл открыто, не таясь, предстал слабым и чувствительным интеллигентом. Есть ли в этом его заслуга? Он просто не умел быть иным. Но был ли он действительно человеком слабым? Что, вообще, есть слабость и сила? Кто сильнее — центурион Геррений с железными бицепсами, посланный убить Цицерона, или Цицерон, подставляющий центуриону шею со словами: «Ну-ка, покажи, на что ты способен, ветеран!» Традиционный римский супермен-герой, завоевавший сто городов и сто плененных царей проведший в триумфе на радость плебсу,— или маленький бедный Катулл, потративший свою жизнь на несчастную любовь, ничего не стяжавший, но оставивший после себя сто шестнадцать стихотворений?

ПРЕДСТАВЬТЕ СЕБЕ, ЧТО ВЫ НАПИСАЛИ СОЧИНЕНИЕ. Теперь вообразите, что самый удавшийся фрагмент сочинения дикари племени «хрум» используют для того, чтобы запугать дикарей соседнего племени «хрям». Как ваше произведение попало к дикарям, кто в этом виноват и что после этого делать? Аналогичные вопросы задал известный певец и композитор Род Стюарт: выяснилось, что три его песни с популярной пластинки «Дурацкое поведение» (1980 год) вожди не менее известного племени ЦРУ использовали как фон для шифровок своим агентам, внедренным в менее развитые племена. Род возмутился и подал на ЦРУ в суд: ему не нравится, что его песни прикрывают грязные дела, а прозвище Стюарта «Rod the Mod» («мод» — английский стиляга 60-х годов) теперь приобретает иной смысл («мод» — на шпионском жаргоне означает «радист»).

НЕДАВНО ИГРАЮЩАЯ В КУКЛЫ АМЕРИКАНСКАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ отметила юбилей этой очаровательной блондинки, однако «королева кукол» — Барби — отнюдь не выглядит на свои тридцать лет. Она все так же молода и кокетлива, но еще более нарядна: французские модельеры приготовили ей к празднику великолепное новое платье. Надо сказать, что и без них Барби не страдает от отсутствия туалетов: ежегодно для нее выпускаются 100 новых моделей. Барби — не только модница, но и важный показатель детских интересов — кем только ни была она за эти годы: космонавтом, рок-звездой, медсестрой и т. д. И если раньше взрослые дяди и тети — психологи в основном — упрекали Барби за то, что она развивает у детей потребительские инстинкты, то теперь они же полагают, что Барби и ее игрушечный друг Кен — неплохой способ подготовки детей к взрослой жизни.

За тридцать лет было продано 400 миллионов кукол, дочь художника Эллиота Хэндлера, именем которой он назвал свою куклу, тоже выросла, а маленькая фирма игрушек стала благодаря Барби одной из крупнейших в мире.

ПРИ ИМЕНИ ДАНИЕЛЯ ДЕФО Айви Джердайн рвет и мечет: как же, почет и слава достались писателю, а он даже не упомянул в своем произведении имени истинного героя приключений, Александра Селкирка, заменив его Робинзоном Крузо! У Джердайн, пра-пра-пра...внучки Селкирка, есть все основания жаловаться: дом Селкирка в Шотландии, который в течение девяти поколений сохраняли его потомки, приходится продавать. За последние триста лет потомки не стали богаче своего знаменитого предка, а содержание дома, в котором все подчинено памяти — стены, по-прежнему увешанные старинными навигационными картами, бережно хранимый телескоп и т. п.,— обходится слишком дорого.

Однако история все же может утешить тех, кто ищет в ней утешения: как известно, несмотря на славу, что принесли ему «Робинзон Крузо», «Молль Флендерс», «Записки кавалера» и другие романы, Даниель Дефо также под конец жизни вынужден был бегать от кредиторов...

«КООПЕРАТИВ» ПРОТИВ «МОНОПОЛИИ», ИЛИ «ОБЩЕСТВО ВЗАИМНОГО НЕПОНИМАНИЯ»! В последнее время наша печать и телевидение все чаще рекламируют увлекательные настольные игры — «Кооператив», «Менеджер», «Бизнес и Фортуна», которые, как откровенно заявляют некоторые кооператоры-производители, «имеют некоторое сходство с поистине интернациональной игрой «Монополия».

«Монополия» поистине интернациональна — русский стал 23-м языком, на котором она отныне выпускается. В Америке. С намерением попасть на наш рынок. Игра азартна, познавательна и... забавна, потому что нашему потребителю забавно будет узнать, что Арбат, по мнению американцев, стоит 400 рублей, а «налог на предметы роскоши», которого у нас нет, составляет, опять же по мнению не совсем сведущих в реалиях нашей жизни производителей игры, 75 рублей. Ну не понимают они нашей жизни, что уж тут поделаешь...

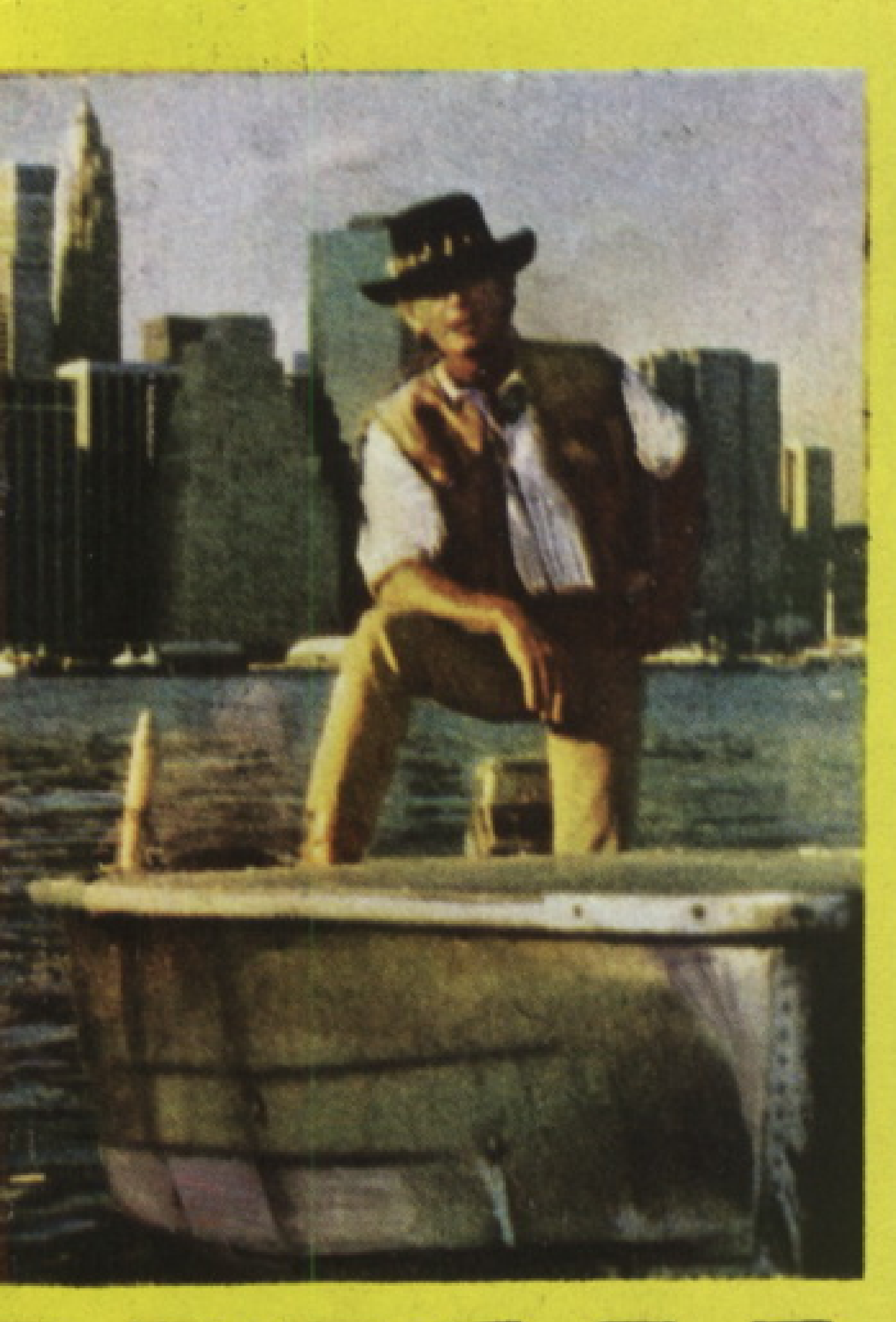
Но интересно, понимают ли производители наших, соответствующих «лозунгу момента» игр, что у компании «Паркер Бразерз» есть монопольное право на производство не только «Монополии», но и всех игр, использующих ее принципы! И почем нынче может быть штраф за нарушение права собственности (если уж мы договариваемся жить в цивилизованном правовом государстве)!

«АХ, Я НЕ В СОСТОЯНИИ ДАЖЕ ЗАПОЛНИТЬ СЧЕТ НА ОПЛАТУ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА», «О, я все равно не способен запомнить номер телефона» — слыхали ль вы такие заявления! «Я не могу сверить данные чековой книжки» или: «Пусть считает компьютер, а я — человек!» — такие заявления частенько приходится слышать от американцев, и хоть выражения разные, но смысл — один. Как считает Джон Аллен Паулос, автор книги «Неумение вычислять», математическая «немота» — результат плохого обучения в начальных классах. Учителя зачастую заранее ставят учеников в неравное положение, полагая, что существуют «математические умы» и «нематематические умы». В результате — отчаянная боязнь математики, грозящая со временем перейти в настоящую фобию. Знакомая картина, не правда ли!

К сожалению, как считают американские педагоги, вместе с растущей компьютеризацией общества растет и элементарная математическая неграмотность, при которой люди, полагаясь на вычислительные машины, полагают, что таблица умножения им — ни к чему. И совершенно теряются, выйдя за пределы «компьютерных теплиц».

ГОВОРЯТ, ЧТО «ДАНДИ ПО ПРОЗВИЩУ КРОКОДИЛ» был одним из самых «кассовых» фильмов не только у нас, но и в США, и в Западной Европе. Охотник из Австралии, играючи, затмил знаменитого Рэмбо, хотя актер Пол Хоган не может похвастать ни красотою, ни очарованием молодости. Ему 49 лет, рост ниже среднего, атлетизмом не занимался. Перепробовал сорок профессий и в тридцать два года впервые появился на телеэкране — метал ножи в любительском шоу. Пол Хоган имел столь бешеный успех, что новичку сразу предложили собственную передачу. «Данди» — его дебют в кино. По горячим следам успеха уже снята и идет по экранам Америки и Европы вторая серия, в которой отважный австралиец вступает в борьбу с бандой торговцев наркотиками. Можно не сомневаться: у опытного и добродушного охотника хватит ума и ловкости, чтобы расправиться с гангстерами, раз уж ему удалось освоиться «в джунглях» Нью-Йорка — вопреки бытующему мнению о «недотепах-провинциалах».

ДИ СНАЙДЕР

КУРС ВЫЖИВАНИЯ для подростков

Вниманию подростков.
Их старших братьев и сестер.
Их родителей.
Всех, кто соприкасается с человеком в самый трудный, самый противоречивый, самый беззащитный период его жизни.

С этого номера «Ровесник» начинает публикацию «КУРСА ВЫЖИВАНИЯ ДЛЯ ПОДРОСТКОВ», написанного на основе собственного опыта столкновения с неразрешимыми проблемами, вопросами, драматичными переживаниями звездой хэви метал-рока Ди Снайдером.

Они (подростки) сегодня обожают роскошь, у них плохие манеры и нет никакого уважения к авторитетам, они выказывают неуважение старшим, слоняются без дела и постоянно сплетничают.

Они все время спорят с родителями, они постоянно вмешиваются в разговоры и привлекают к себе внимание, они прожорливы и тиранят учителей...

Древнегреческий философ Сократ (470/469—399 гг. до н. э.)

О, вы такие снисходительные, ваша притворная терпимость бесконечна.

Мы ничего не хотим, ничего от вас не хотим.
Ваша жизнь банальна, вы словно заезженные клячи,
Ваша жизнь тосклива, и вы ее растратили.
Если это то, что вы считаете лучшим,
То нам такое «лучшее» не подходит.

Песня «Нам это не подходит» группы «Твистед систер»

Одно поколение уходит, и другое поколение приходит... и ничто не ново под солнцем.

Екклесиаст, глава I, стих 9

Рисунок Л. ХАЧАТРЯНА

Я выражаю благодарность писателю Стивену Кингу, музыкантам Элису Куперу; Лемми Килмистеру и группе «Моторхэд»; Оззи Осборну; Роберту Планту; Брайану Джонсону, Ангусу и Малькольму Янгам и Клиффу Уильямсу из «АС/ДС»; Джизеру Батлеру, Тони Йомми и Биллу Уорду из «Блэк сэббет»; Джей Джей Френчу, Марку Мендозе и Эдди Охеде из «Твистед систер»... Особая благодарность моим родителям Бобу и Мардж Снайдерам; моим братьям, Фрэнку, Мэтту, Марку и Дугу, и моей сестре Сью...

А всем тем, кто обижал меня, пренебрегал мною и относился ко мне как к полному болвану,— особое спасибо. Потому что если б не вы, я никогда не смог бы написать эту книгу. Но опять же, может, лучше было этого и не делать!

ДИ СНАЙДЕР

ВВЕДЕНИЕ

И так приходит юность...

Я не хотел этого делать.

Ну кто я такой, чтобы советовать подросткам, как прожить «юные годы», если моя собственная юность вряд ли может служить примером и уж точно я бы не назвал ее лучшим временем моей жизни? По правде говоря, в те бесславные юные годы я был довольно мерзким типом.

Но, пожалуй, именно потому мне и стоит этим заняться. Мы, мерзкие типы, можем быть весьма прозорливы, когда дело касается проблем взросления, потому что у нас было мало друзей и еще меньше подружек, следовательно, гораздо больше свободного времени, чтобы размышлять. И, похоже, чем более мерзким типом ты был, тем точнее твой анализ. А я был весьма мерзким типом (злобным притом).

«Курс выживания для подростков» — это не путеводитель, который каким-то чудесным образом выведет тебя из отрочества во взрослость. Я предлагаю лишь набор фактов и мои размышления по поводу взросления. И хотя не все ситуации применимы именно к тебе, готов поклясться, что изрядное число проблем, с которыми я стоял лицом к лицу, и чувств, которые я при этом испытывал, будут тебе понятны. Возможно, сквозь призму моего опыта ты сможешь четче разглядеть себя и тех, кто тебя окружает. Надеюсь, ты даже придешь к мысли, что можешь изменить свою жизнь (если она тебе не нравится). Взгляни на меня: в средних и старших классах я был отнюдь не популярной личностью, зато сегодня я — звезда хэви металрока и вообще невероятная знаменитость. (Но, несмотря ни на что, я до сих пор парень скромный, да ты это уже и сам понял!) Порой достаточно определить проблему и понять, что эта проблема есть и у других парней, чтобы сделать первый шаг к ее решению.

С годами я заметил, что буквально одержим сложностями взросления; я пишу об этом песни, сейчас собираюсь поведать тебе об этом в прозе. Мне кажется, дело вот в чем: меня выманили из отрочества обманом — родители, сверстники, учителя, короче, все. Когда я записывал песню «Нам это не подходит», я изливал злобу на тех, кто постоянно заставлял меня «шагать в ногу». Я прекрасно помню, как удирал от этих призывов и разговоров в свою комнату и включал проигрыватель. Слушая рок-н-ролл — и притом громко, по крайней мере настолько громко, как позволяли родители и двадцатипятидолларовый проигрыватель,— я хоть на время находил спасение от неуверенности и сумятицы чувств. А другая песня — «Я никогда не вырасту, вот так» — родилась из дурных воспоминаний о том, как меня пилили, чтоб я бросил группу, нашел себе «настоящую» работу, постригся и вообще был «как все». Так что можешь считать «Курс выживания для подростков» частью многотомной рок-оперы, которую я скорее всего никогда не запишу на пластинку. Этой опере наверняка не хватает визга гитар и грома ударных, но зато слова разобрать можно.

Я из тех, кто расцветает поздно, из тех, кто всегда принимает моду после того, как она из моды вышла, и сейчас, хотя мне уже за тридцать, я все еще чувствую себя подростком. И, если на то пошло, я только сейчас начинаю понимать некоторые из чувств, что испытывал в юности. Насколько мне было бы легче, если бы я понимал все это тогда, по крайней мере понимал бы, что все это пройдет. Верю, что смогу быть честным и объективным по отношению ко всему хорошему и плохому, что было в моих «юных годах» (ненавижу это словосочетание). Порой даже отчаянно объективным: нам всем необходим некто со стороны, чтобы помочь нам разобраться в наших проблемах. Уверен, что теперь, прочтя все эти размышления рок-звезды (каковой я стал), профессиональные психологи надают мне кучу объективных советов (бесплатно).

А поскольку я уже и сам родитель — у меня есть сын Джесси,— надеюсь, что смогу пролить некоторый свет и на наши родительские взгляды, и на наше зачастую дурацкое поведение. Став родителем, я стал лучше понимать конфликты, которые возникали у меня с моими родителями.

Когда рос я, за помощью обратиться было некуда. Я не мог поговорить ни с родителями, ни с друзьями, ни с учителями и получал ответы на некоторые из моих вопросов в песнях любимых героев рок-н-ролла — Элиса Купера и Роберта Планта из «Лед зеппелин». Рок-н-ролл был моим единственным другом. Но найти сразу все ответы в одной лишь трехминутной песне не так-то просто (если только ты не поклонник группы «Раш»).

Помню, в школьной библиотеке я увидел книгу «Между двенадцатью и двадцатью», написанную в 1958 году чертовски чистеньким поп-идолом, о котором ты, может, и слышал — Пэтом Буном. Сейчас такую книгу следовало бы назвать «Между десятью и двадцатью» или даже «Между восемью и двадцатью», потому что сегодня ребята гораздо раньше сталкиваются с социальными и моральными проблемами: ранняя беременность, алкоголь, наркотики, самоубийства — все это возрастает в геометрической прогрессии. Каждое поколение тешит себя мыслью, что уж вот его-то юные годы были самыми несносными, но мы-то знаем, что перед вами, братцы, стоит куда больше проблем и у вас куда больше стрессов, чем у предыдущих поколений. Когда я был подростком, я почти ничего не знал о сексе и наркотиках, а был озабочен лишь тем, чтобы получше смазывать бейсбольную перчатку и пополнять коллекцию пластинок.

Некоторые взрослые станут уверять, что те времена были проще, здоровее и счастливее. Конечно, проще. Но какими бы ни были те времена, в них нельзя вернуться. Хуже он или лучше, мы-то живем в этом мире. И «Курс выживания для подростков» обращен к реальностям и проблемам взросления в конце восьмидесятых годов.

«Юные годы» — лучшие годы!

Юность великолепна и трудна — но это ее великолепие непонятно, пока ты не повзрослеешь и не обретешь возможности оглядываться назад. Это время необъяснимых несоответствий: тело тянется вверх, а голос становится ниже; усы, хоть убей, не прорастают, зато физиономия усыпана целым урожаем прыщиков; к тому времени, когда ты, наконец, начинаешь интересоваться противоположным полом, противоположный пол демонстрирует явную потерю интереса к тебе; родители требуют, чтобы ты «был взрослым», требуя одновременно, чтобы ты «прекратил изображать из себя умника» (кто бы знал, что это означает?).

К тебе относятся не как к ребенку, но и не как к взрослому, а как к чему-то посередке. Перефразируя одну из моих любимых песен Элиса Купера «Мне восемнадцать» ты мальчик — и ты мужчина, ты девочка — и ты женщина (или одновременно мужчина и женщина — если дело обстоит так, надо обратиться к соответствующему специалисту). Даже Пэт Бун тридцать лет назад ухватил суть·

«Мы чувствуем, что мы отделены, что нас изгнали, что мы виноваты как общность». Общество всегда загоняло юность в чулан. Между прочим, сорок пять лет назад слова «тинэйджер» вообще не существовало: потому что тогда, в дни дедушек и бабушек, молодые люди прямиком из детства отправлялись во взрослость, сквозь врата ранних браков.

«Adolescence» [1], так уж получалось, происходит от латинского слова «adolescere», означающего «вырасти в...» (да, я — кладезь знаний!). Полагаю, это означает, что ты еще не тот человек, которым должен бы стать. Родители, учителя, вообще все взрослые настолько заняты тем, чтобы «формировать» тебя, что им не удается заметить, что ты уже до определенной степени сформирован, что ты — личность.

Но кто эта личность? Тот ли неуклюжий мальчик или девочка, чьи глаза все еще наполняются слезами всякий раз, когда бранит учитель, или — «крутой парень» или кокетливая и вполне женственная девица, когда они оказываются в своей компании? Твое настроение, словно качели, взлетает вверх и падает вниз: от полного, ликующего, невероятного счастья до немыслимого горя — и все это в течение одного школьного дня. Я помню, какими чудовищными могут быть эти взлеты и падения.

Ты идешь в школу, встречаешь по дороге приятелей, направляешься прямиком в класс, и все отлично. Первый урок — английский, но его можно спокойно продремать, потому что учитель тоже еще толком не проснулся. Ты в превосходном настроении.

А потом второй урок. Надо идти в спортзал. И идти мимо автокласса, а там все восемь уроков в день слоняется этот здоровенный амбал Кавалски. В прошлый раз он использовал твою руку в качестве гаечного ключа, «потому что сегодня среда, а я терпеть не могу среду». И хотя эта маленькая трагедия длится не более двух минут, ты в панике. Ты глядишь в окно. На улице январь, жутко холодно, лежит снег. У тебя есть выбор: либо попытаться, спрятавшись за спинами, проскользнуть мимо автокласса, либо рискнуть на двустороннее воспаление легких и рвануть к раздевалкам через наружный вход. А что, если Кавалски из всех месяцев больше всего ненавидит именно январь?

Итак, ты чешешь по улице, и, проверив себя на признаки обморожения и швыряя мяч в корзину, весь урок терзаешь себя мыслями о том, как на самом деле следовало поступить: «...Надо было залепить ему учебниками по морде. Ну, в следующий раз...»

На химии ты сидишь рядом с Робин Титарски. Эта крошка — что надо! Может, сегодня она хоть как-то отреагирует на твое присутствие?

Ты наверху блаженства — приятель пригласил после уроков поиграть в новую компьютерную игру. И ты в абсолютном дауне — оказывается, ее родители разводятся и она переезжает в другой район и переходит в новую школу. И кого-то из спортзала уволокли к врачу, потому что он наглотался таблеток. И некоторые из твоих друзей сомневаются, что это произошло случайно. А потом ты возвращаешься домой, и мама, оторвавшись от очередной телекомедии, спрашивает:

— Как дела в школе, детка?

— Ничего.

Ты же не можешь рассказать ей, что чуть сегодня не спятил из-за этого амбала Кавалски, потому что знаешь: мама ответит либо «Ну и почему же ты просто не сказал ему оставить тебя в покое?», либо «Ну и почему же ты просто не рассказал об этом директору?».

Потому что тогда он созвал бы всю футбольную команду, чтобы дать мне пинка под зад!

Так как говорить с ней о более серьезных вещах? Она же все равно не поймет!

Твои проблемы вполне реальны

Взрослые имеют тенденцию, оглядываясь на свою юность, вспоминать одни радости и забывать о неприятностях. Они забыли, каково это, когда некого пригласить на свидание в субботу вечером или когда ты вообще отвергнут женским обществом. Конечно, что им до этого, если у них такие взрослые проблемы: выплата по закладным, содержание семьи, ссоры из-за денег на твою учебу в колледже,— твои собственные сложности для них второстепенны. Это же **подростковые** проблемы, ненастоящие проблемы.

Например: родители однажды купили мне пару белых ботинок из лосиной кожи (по иронии судьбы именно такой тип ботинок популяризировал в пятидесятых Пэт Бун) и требовали, чтобы я ходил в них в школу. «Уродливые» — это еще самый мягкий эпитет, приложимый к ботинкам, похожим на два белых «фольксвагена». Впрочем, «фольксвагены» — это тоже еще слабое сравнение. А теперь учтите, что то был семидесятый год, и все как один носили вылинявшие джинсы и кеды. У меня и так было достаточно проблем в отношениях с ребятами, а если б я появился в этих ботинках в классе, мне грозила бы полная обструкция. Проклятие. И, возможно, вечное отлучение. «Мистер Снайдер, вы приговорены к жестокой и позорной смерти за непростительное преступление против моды...»

По правде говоря, хотя эти белые башмаки были действительно выдающимися, мои сверстники проводили слишком много времени, проверяя свои собственные отражения в стеклах школьных окон, чтобы замечать кого-либо еще. Они стремились смешаться с толпой себе подобных столь же яростно, как и я. Но когда я глядел вниз, я видел два белых дредноута, рассылающих вокруг себя неоновые стрелы. Остальные тоже должны были это заметить. И если они не смеялись в лицо, то только потому, что, полагал я, просто старались вести себя пристойно.

Я плакал, бился в истерике, умоляя родителей не заставлять меня носить эти ботинки. Вы думаете, увидев, до какой степени я расстроен, они сдались? Ни-че-го подоб-но-го! Сначала они смеялись. (Усугубляя ситуацию заявлением: «Но Пэт Бун носил такие ботинки!» У-у-у!) Потом они на меня кричали. Ну как же: моя проблема не была «настоящей» проблемой, я просто «валял дурака».

А вот какой настоящей эта проблема была для меня — я заработал денег, подстригая соседские газоны и разнося газеты, отправился в местный обувной магазин и купил себе пару хипповых кедов. И все следующие полгода я еще затемно уходил из дома в белых ботинках, ехал с первым школьным автобусом, прокрадывался к своему шкафчику в раздевалке и переобувался в новые кеды. А после уроков ждал, пока вестибюль опустеет, переобувался в белые монстры и с самым последним автобусом уезжал домой. Вот какой настоящей была для меня в четырнадцать лет проблема уродливых, вышедших из моды ботинок. Невероятно настоящей. По-серьезному настоящей. Самой настоящей из настоящих. И поскольку я почти не носил эти чертовы ботинки, я никак не мог их сносить. Родители были настолько потрясены прочностью ботинок, что собирались закупить такие для всей семьи. К счастью, потом они забросили эту идею.

Все относительно, не так ли? Конечно, то, что отца вышибли с работы,— проблема куда более серьезная, чем то, что ты не попал в школьную теннисную команду. Но родители вооружены механизмами адаптации, которые приходят с годами и опытом. В большинстве случаев они лучше подготовлены к тому, чтобы справляться со своими кризисами. Тебе же кажется, что каждую из проблем именно ты вынужден решать первым, и ты боишься, что не сможешь найти ответ.

Думаю, ты узна́ешь себя во многих моих воспоминаниях. Но эти воспоминания и размышления не только для неудачников, для повергнутых во прах, для угнетенных масс, жаждущих свободы,— они для всех, кто хочет лучше понять себя самого, родителей, друзей и будущее. Это понимание важно не только для подростка, оно будет столь же ценным, когда ты вступишь во взрослость и встретишься со многими схожими ситуациями и людьми. Я не хочу нагонять на тебя тоску, но вся наша жизнь — это школа. Ты узнаешь, что и работа очень похожа на школу, только теперь роль учителя исполняет босс. И, как

и в школе, ты встретишься с людьми, принадлежащими к различным типам: лидеры, ведомые, тупицы, пижоны и модницы, зануды. Разница лишь в том, что, став взрослым, ты будешь чуть более свободным и, надеюсь, станешь лучше понимать, что ты есть и что тебе от жизни нужно.

Вопрос: а что, если родители наткнутся на эти мои записки, наводя порядок в твоей комнате? Во-первых, они, возможно, станут запирать на ночь дверь своей спальни. Во-вторых, они, может быть, повысят сумму, выделяемую тебе на карманные расходы. И они, это уж точно, перестанут совать нос в твою комнату и твердить, чтобы ты поскорее разобрал все свои завалы. Отдавая себе отчет в том, что у меня, гм, странноватый внешний вид, и музыка, которую играет моя группа, тоже достаточно дикая на родительский вкус, я так и вижу, как они собираются где-нибудь в уголке — и вполголоса: «Этот Ди Снайдер написал книжку против родителей! Это подрыв власти!» В «Курсе выживания для подростков» я действительно бываю порой слишком строг по отношению к родителям. Поскольку я сам отец, я понимаю их проблемы, но, с другой стороны, понимаю, что и родители задолжали детям любовь, понимание и ответственное поведение. Да, я подрываю власть, но для меня «власть» — это кто-то или что-то, что ограничивает человека, препятствует развитию личности, мешает относиться к себе с уважением. Такой «властью» могут быть взрослые, но довольно часто такой «властью» оказываются люди и одного с тобой возраста.

Ты можешь читать «Курс выживания для подростков» вместе с родителями, чтобы помочь им лучше понять тебя и твой мир, который очень отличается от мира, в котором росли они. Но, если на то пошло, этот «Курс» не предназначен для семейного чтения, он — для тебя.

P. S. Не стоит благодарностей — мне за это заплатили.

ЧАСТЬ I. ТЫ

Для тебя пришло время постоять
за себя.
Ты должен поступать так, как считаешь
нужным.
Забудь о моде, забудь о «фирме»,
Потому что у каждого свой путь.
Не важно, что думают другие,
Важно, что ты сам о себе думаешь.
Но ты никогда не пойдешь ко дну.
Просто делай то, что ты хочешь делать.

Песня «Как стать № 1» группы
«Твистед систер»

Эти чертовы добрые старые денечки

«Это же лучшие годы твоей жизни!» Как часто ты слышал эти слова (при этом родительский перст грозно раскачивался у тебя перед носом), особенно часто слышал ты их, когда был в полнейшей депрессии. «И это — лучшие? — думал ты.— Значит, станет еще хуже?»

Знаешь ли ты старую максиму «Молодость не вечна!»? Она чертовски справедлива. Разве не поразительно, что пока подростки дрожат от нетерпения поскорее стать взрослыми, взрослые улыбаются, заслышав школьный звонок, и с легкой завистью вспоминают безмятежные дни своей юности. И чем старше они становятся, тем счастливее их воспоминания: время невинности, время такое безмятежное по сравнению с их «взрослыми», «настоящими» проблемами.

«О да,— говорят они со вздохом,— то были старые добрые денечки».

Но только не для меня. С годами жизнь становилась все лучше и лучше, и если я и оглядываюсь назад, то только для того, чтобы извлечь из прошлого уроки: слишком пристальный взгляд в прошлое мешает двигаться вперед. Я вырос в самом сердце «страны сабербии» [2]: квартал Болдуин, на Лонг Айленде, в получасе езды от Нью-Йорка. Тогда я был не Ди, а Дэниелом Снайдером, длинным, чересчур чувствительным мальчиком, который часто пускал слезу, а поводов для слез, и вполне серьезных, было предостаточно. Дома я не ладил с родителями. (Родители об этом не знали). В школе я был изгоем. Мне не нравилось ни то, как я выгляжу, ни то, как я себя веду. Временами я ужасно страдал от одиночества. Знаете, что поддерживало мои жизненные силы? Очередная серия «Автострады звезд», которая шла по пятницам. Да-да, пиком моей тогдашней жизни было еженедельное часовое телешоу. Друзей у меня было немного, а девочек вообще не было, так что по субботам и воскресеньям я слонялся по дому, а с понедельника начинал считать дни, что остались до «Автострады звезд». Погано, да? Потом стало еще поганее: телестудия прекратила это шоу.

Вот какие у меня по большей части воспоминания — грустные, и какими бы банальными ни были те события, они врезались в память, и кажется, что все это происходило вчера: я помню каждую минуту, каждую мельчайшую деталь. Наверное, дело в том, что то, что случалось с тобой, когда ты был подростком, влияет на всю дальнейшую жизнь. Именно тогда формируются твои взгляды, твои стремления и ценности.

А одну историю я помню лучше всех.

Душистый весенний день, урок физкультуры, мы играем на площадке в софтбол (вариант бейсбола.—Пер.). Естественно, когда я замахнулся битой, и ближние и дальние игроки рванули к своим местам, раздались вопли: «Давай, давай, питчер, держи этого придурка! Мазила! Мазила!» Между прочим, несмотря на репутацию хиляка, я довольно неплохо играл, и вот — бдынь! — залепил мяч прямо во внешнее поле. Это был удар что надо! Я несусь вперед, изо всех сил работая коленями и локтями, и тут этот гад Фред — что он только ни делал, чтобы отравить мне жизнь,—выставляет ногу. Как я летел! И как приземлился! Как лайнер при аварийной посадке. Конечно, все ржут как бешеные.

Я был уничтожен полностью. Я встал, красный как рак, и поклялся, что больше никогда, никогда в жизни не позволю над собой смеяться. Много лет спустя, уже когда я пел с «Твистед систер», если кто-нибудь в зале гоготал или выкрикивал оскорбления, я прекращал концерт и вызывал такого типа на сцену: «Над чем смеешься, ты, болван? Ты что, думаешь, лучше споешь? Может, выйдешь на сцену, попробуешь?» Иногда я даже спрыгивал в зал, чтобы найти такого типа. Теперь я понимаю, что это испепеляющее желание доказать, заслужить уважение проросло из того случая на спортплощадке.

Должно было пройти более десятка лет, чтобы эта история стала для меня смешной, но она такой стала. Несколько лет назад, когда «Твистед систер» получила международное признание, местная газета, которую я разносил мальчишкой, поместила мой портрет на обложке воскресного приложения: обычная чепуха типа «наш знаменитый земляк» и все такое прочее. Репортер отыскал следы Фреда-толкача — он все еще жил в нашем городке (не сомневаюсь, он усовершенствовал свои способности и теперь успешно спихивает под поезд маленьких старых леди) — и спросил его о том случае, при воспоминании о котором у меня до сих пор волосы дыбом встают.

Потрясающе, но Фред об этом ничего не помнил. Полагаю, что для него то было естественной мускульной реакцией: как только кто-то бежал к третьей базе, нога Фреда автоматически вылетала вперед. Конечно, он и не помнил, что поставил мне подножку — он же ставил подножки всей школе!

Надо мной — мне так казалось — издевались все, кому не лень, пока я не решил, что больше никому не позволю надо мной издеваться; пассивное отчуждение превратилось в отчуждение воинствующее. В этом тоже не было ничего хорошего, потому что я стал очень жестким и холодным, все время искал повода к ссоре — эдакий бунтарь без причины. Вечно перекошенная в презрительной ухмылке морда, колючий взгляд. Со стороны казалось, что это очень шикарно, но на самом деле я чувствовал

себя совсем не шикарно. Я превратился в настоящего психа, мне все чудилось, что когда я иду по улице, на меня все пялятся и кто-то за мной следит. Нервы были на пределе, в башке крутились самые немыслимые сцены. Я был словно молодой бычок и ревел (про себя): «Ну, что это он на меня уставился?» — и, вперив разъяренный взгляд в воображаемого обидчика, грозно (но тоже про себя): «Ты что выкатил зенки?» Я был на таком взводе, что, пройдя квартал, вынужден был возвращаться домой, чтобы передохнуть — уставал до смерти.

Но это стремление постоять за себя и осадить обидчиков дало один бесценный урок: довольно долго я был совершенно беспомощен, а потом начал понимать, что во мне есть силы, чтобы изменить ситуацию. И эти силы есть в каждом.

Ты чувствуешь себя одиноким! Ты не один такой

Хуже всего то, что я чувствовал себя совершенно одиноким. Я удирал к себе в комнату, ставил на проигрыватель пластинки «Лед зеппелин», «Блэк сэббет» и «Дип перпл» и отчаянно кривлялся перед высоким, во весь рост, зеркалом: изображал, будто играю на гитаре, на ударных, на клавишных, пою перед микрофоном. Это довольно странная штука, изображать, будто играешь на гитаре, по крайней мере, я так тогда думал. Я был уверен, что никто в мире больше этого не делает, а на тех, кто делает, надевают смирительную рубашку, сажают в чумовоз и отправляют в самый строгий дурдом. Но позже я узнал от ребят, что и тот парень, что жил по соседству, «играл на гитаре», и его сосед, и сосед соседа.

Почти что каждый подросток проходит через периоды чудовищного одиночества, неуверенности и беззащитности. Усугубляется это еще и страхом, что ты один во всем классе, нет, во всей школе, нет, во всей вселенной, включая низшие формы растительной жизни, испытываешь подобные ощущения. Тебе кажется, что ты отделен от всех невидимой стеной, что тебя окружает непроницаемое облако (или это всего лишь твой дезодорант?). И никто тебя не понимает. Ты завидуешь вот той весьма популярной девчонке с ее симпатичной улыбкой и хочешь быть как она, без проблем.

Но даже самые популярные подростки сомневаются в себе. Может, та самая девчонка боится, что люди любят не ее, а лишь ее хорошенькую мордашку. И среди тех, кто составляет «группу популярности», тоже есть своя табель о рангах: кто-то самый популярный из популярных, а кто-то стоит среди них на последнем месте и должен как-то мириться с этим.

На самом деле ты не единственный, у кого есть проблемы, и если ты рискнешь поговорить об этом с друзьями, ты будешь поражен тем, как хорошо они поймут тебя и какое облегчение это будет для них — получить возможность самим поговорить о своих проблемах. С другой стороны, они могут «захлопнуть створки». Подростки так отчаянно стремятся соответствовать своей «системе», что боятся, что кто-то сочтет их взгляды или чувства необычными. Так что они хранят самые глубокие переживания в тайне, убежденные, что их никто не поймет.

Я никому не рассказывал о своих беспокойствах, потому что боялся, что меня засмеют, и большую часть жизни провел наедине с собою, размышляя, как бы сделать так, чтобы меня приняли, признали. Одним из таких способов было участие в рок-группе. Но долгое время я хотел лишь одного: быть «в системе», не отличаться от других. (И взгляните на меня сейчас!) Говорят, что молодость — время великой свободы, и это так — это время свободы от взрослой ответственности. Но подростки очень жестоки по отношению к тем, кто отличается, выбивается из их среды: они еще не знают, кто они есть на самом деле, и чувствуют опасность со стороны тех, кто не хочет приспосабливаться. И поскольку они еще не обрели той уверенности, что приходит с осознанием своего «я», они стремятся сбиться в стадо: жизнь становится сложной, когда мы видим кого-то, кто отличается от остальных, потому что тогда и мы вынуждены думать самостоятельно. А для многих из нас это пугающая перспектива. Подростки-нонконформисты могут заслужить некое смешанное с недоброжелательством уважение, но они же обычно становятся мишенью для насмешек.

Например, чтобы хоть чем-то отличаться, я отрастил «эспаньолку»: несколько редких волосков на подбородке. Я считал, что это — нечто, но на самом деле это скорее было нечто ужасное. Естественно, школьные злые языки не могли упустить такой случай. Они назвали меня козлом. «Эй, козел!» Они потешались довольно долго, пока вдруг сами не начали отращивать эспаньолки. И тогда я немедленно побрился: меня до смерти испугала мысль о том, что то, что я сделал, чтобы подчеркнуть свою индивидуальность, стало «системой» для других. Уж поверьте: подростку приходится тяжко — он разрывается между желанием быть «как все» и стремлением быть тем, кто он есть на самом деле, а это частенько означает, что ты отличаешься от остальных.

Ты счастливчик. Мне кажется, сейчас куда больше терпимости к тому, чем ты хочешь быть и как ты хочешь одеваться. Когда я в шестидесятых учился в начальной школе, все слушали одну и ту же музыку и одевались одинаково. И выбор был невелик. Помню, особым «писком» тогда была КФС — «куртка флотского старшины»: она похожа на рубашку, только с разрезом сзади и непременно синего или темно-бордового цвета. И у каждого была такая куртка. Кроме меня.

Я мечтал об этой куртке, потому что без нее как я мог «вписаться»? Весь год я всячески намекал на это родителям, и вот на рождество, дрожа от нетерпения, в клочья раздираю коробку с подарком!

Там была НЕ ТА куртка!

«Ты извини, я обошла полдюжины магазинов, и все такие куртки уже распроданы»,— полуизвиняясь, объясняет мама. Естественно, распроданы: ведь тысяча мальчишек хотели утвердиться именно таким образом. Я разревелся от обиды — сейчас я понимаю, что поступил весьма эгоистично, ведь мама действительно обошла все магазины, чтобы найти мне эту чертову КФС. Но меня буквально переворачивало от жалости к себе — еще бы, жизнь не состоялась! Но каким-то образом она уговорила меня надеть подарок и подтащила к зеркалу: «Гляди (хлюп-хлюп), какая шикарная куртка!» И правда, я раньше никогда такой не видел. Это была куртка вроде той, что носили солдаты армии южан во времена Гражданской войны — с золотыми пуговицами, стоячим воротником и петлицами. Это было нечто. Я перестал реветь.

На следующий день я надел куртку в школу, и впервые люди назвали меня «шикарным». Все хотели знать, где это я раздобыл такую клевую вещь. Я создал свой собственный имидж, и, скажу вам откровенно, носил куртку, пока она не разлезлась в клочья. Я тогда получил очень важный урок того, что значит быть индивидуальностью, и с этого момента во мне стало расти желание быть отличным от других.

Перевел с английского Н. КАРЛИН

Продолжение следует

В следующем номере: «Я не такой, как все — но какой же я!», «Сюрпризы матери-природы», «Одержимость красотой», «Каждому овощу — свой срок», «Ярлыки и ценники», «Как же изменить свою жизнь!».

[1] *«Adolescence» — англ. «юность».— Здесь и далее прим. ред.*

[2] *«Страной сабербией» (по выражению писателя Джона Апдайка) американцы называют кварталы частных домов в пригороде, где живут в основном семьи среднего достатка. И каждый уважающий себя средний американец стремится приобрести для своей семьи такой дом — более-менее просторный и удобный, в зависимости от доходов. Кстати, в результате и жизнь в собственном доме все же дешевле, чем в наемной квартире.*

RICK ASTLEY

РИК ЭСТЛИ, то есть Ричард Пол Эстли, родился 6 февраля 1966 года в графстве Ланкашир, Англия. Несмотря на внешность зубрилы-отличника, Рик был «трудным» подростком. «Мы с несколькими приятелями были грозой деревни, пока один парень постарше не надавал нам по ушам»,— вспоминает певец.

Еще в школе Рик создал группу «ФБР», которая играла... хард-рок. Но со временем Эстли стала привлекать традиционная эстрада, и две его сольные пластинки пользуются популярностью не только на родине, но и в США.

ВООБЩЕ-ТО ГЛОРИЯ ЭСТЕФАН собиралась стать психологом. И даже окончила университет в Майами. Но судьба распорядилась иначе, и в середине 70-х Глория Эстефан стала вокалисткой группы «Майами саунд мэшин».

В 1986 году «Майами саунд мэшин» записали альбом «Дай свободу!», две песни из которого возглавили хит-парады США и Англии. А Глория теперь гастролирует по всему миру, не разлучаясь с семьей: Эмилио Эстефан — ударник «Майами саунд мэшин», вместе с родителями путешествует и девятилетний сын.

Весной этого года наши телезрители стали участниками интересного события — Всемирного конкурса видеоклипов (участниками потому, что выбор победителей определялся и голосами зрителей). В этом номере мы представляем вам некоторых из артистов, чьи клипы были показаны во время конкурса — не все они стали победителями, но читатели «Ровесника» спрашивают о них, спрашивают и о многих других, и мы будем в дальнейшем представлять их вам в традиционной рубрике «ТВ показало — читатель спрашивает». Здесь же вы прочтете интервью с самыми известными режиссерами-постановщиками видеоклипов.

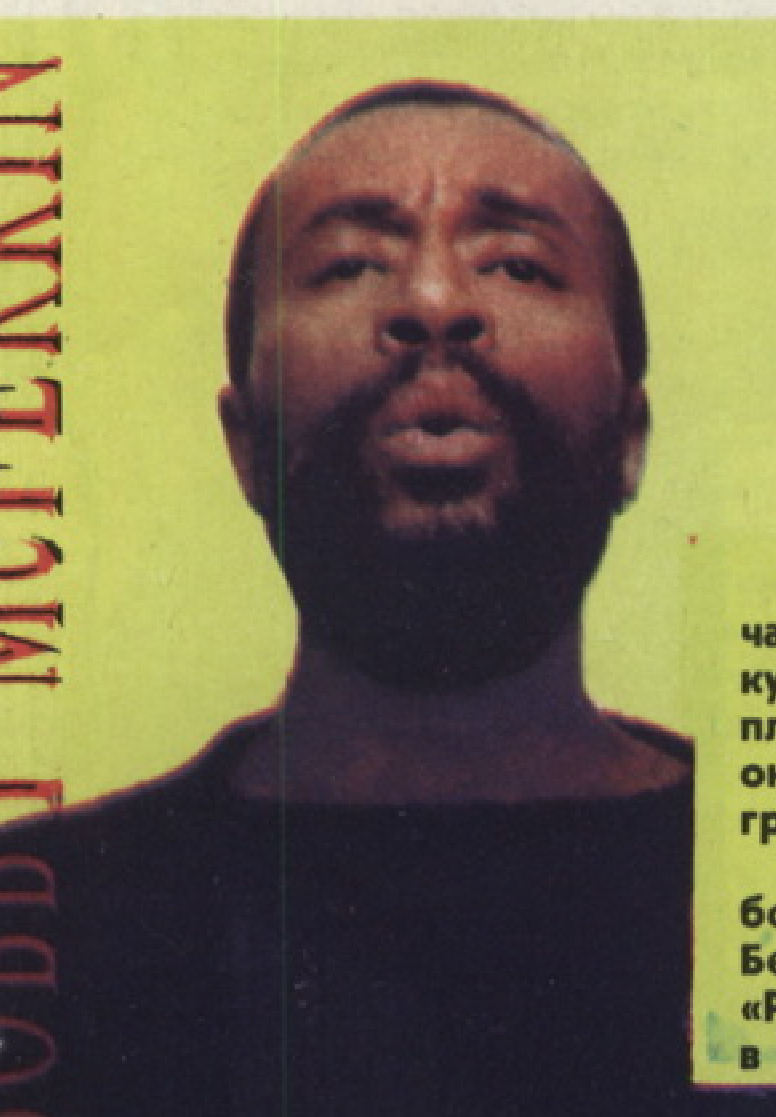
Лоран ШАЛЮМО,
французский журналист

РАСШИРЕНИЕ МУЗЫКИ

Кевин Годли и Лол Крим: Как мы пришли к клипам? Оба хотели стать киношниками, но, к сожалению, в жизни всегда получается не так, как хочешь: пришлось работать художниками-иллюстраторами. Попутно мы основывали рок-группы, «Тен СиСи» — вероятно, единственная из них, о которой кто-то еще помнит. И у всех наших групп была общая черта — мы сочиняли свою музыку «визуально»: сначала рисовали картину, а потом писали про нее песню. После записи сравнивали песню с «изображением», чтобы определить, похожа или нет. В 1976 году, когда стало ясно, что песни, написанные нашим «визуальным» способом, обречены на успех, мы, признаться, заскучали и ушли из группы. Потом кому-то пришла в голову мысль заказать нам маленькую рекламку, в которой звучала одна из наших песен. А потом мы сняли фильмики по песням Стива Стрэнджа и еще каких-то неоромантиков — тогда подобные вещи делались исключительно для рекламы пластинок. Музыканты-заказчики заявили нам, что их песни не имели никакого отношения к тому, что мы сняли. Мы не стали их разубеждать, в конечном счете мы и хотели противопоставить изображение музыке. Наверное, с этого и начались клипы как новая форма подачи музыкального материала.

Жан-Батист Мондино: В самом начале «тележизни» поп-музыки считалось, что клип — хотя тогда еще и слова такого не было — это реклама песни. И поэтому все делали клипы как рекламу. Но дело не в том, лучше клип рекламного ролика или хуже,— это совсем не важно. Это просто **другая вещь.**

Но это и не кино! Кино — вид изложения, расширение театра или романа. А клип — это расширение музыки. Нет ничего хуже, чем подходить к

БОББИ МАКФЕРРИНА называют «Мистер Хорошее Настроение». Песня «Не унывай, будь счастлив» принесла ему громкую известность, и теперь все как будто забыли, что Бобби очень долго не удавалось пробиться. В конце семидесятых с ним расторгли готовый контракт: представьте, потому что та фирма грамзаписи не принимала... черных. Одновременно Макферрину отказали в квартире: потому что Бобби женат на белой... «Я оптимист! — утверждает Бобби Макферрин.— К счастью, я понял: уныние не доводит до добра».

АМЕРИКАНКА БЕЛИНДА КАРЛАЙЛ после окончания школы работала официанткой в кафе, потом курьером в газете, продавщицей в магазине грампластинок, заправщицей на автостанции. В 1978 году она вместе с подругами организовала поп-панк-группу «Гоу-гоуз» — Белинде было тогда 20 лет.

В 1984 году группа распалась, девушки начали работать соло, но наибольший успех выпал на долю Белинды: две ее пластинки, особенно последняя «Рай на Земле», пользуются стабильным успехом в США и Европе.

ЛОНДОНСКОЕ ТРИО «БРОЗ» состоит из братьев-близнецов Матта (клавишные) и Люка (бас-гитара) Госсов и барабанщика Крейга Логана. Они начали выступать в 1981 году в составе группы из семи музыкантов. Со временем «лишние люди» ушли, и «Броз» добились успеха именно как трио. Дебютный альбом «Толчок», вышедший в прошлом году, подтолкнул юных британских поклонников электро-попа к таким изъявлениям восторга, что музыкальные обозреватели вспомнили о «битломании».

ТЕРЕНС ТРЕНТ Д'АРБИ родился в Америке, однако жить предпочитает в Англии.

Его кумир — Майкл Джексон, хотя Теренс Трент Д'Арби хотел бы, чтобы его сравнивали с Миком Джеггером: «Мик — единственный король рок-н-ролла, не почивший на лаврах».

Он служил в армии, пытался стать журналистом, а когда это наскучило, начал петь. Свою единственную пластинку «Введение в жесткий курс Теренса Трента Д'Арби» он считает «на порядок сильнее, чем любой альбом «Битлз». В общем, довольно заносчиво.

TRENT D'ARBY

видеоклипу как к кино. К тому же все изменило появление видеомагнитофонов: люди смотрят полюбившийся им клип по нескольку раз, так же, как слушают запись полюбившейся им песни. Отсюда и задача: сделать клип так, чтобы в нем еще оставалось место для собственной фантазии зрителя.

Годли и Крим: Мы никогда не пытались сохранить сюжетную линию песни, проиллюстрировать ее видеорядом. Скорее всего мы ищем состояние, настроение, которое больше всего песне подходит. И тут в дело идет все. Часто мы используем что-то, найденное в книгах или увиденное по телевизору. Снимая «Герлз он филм» для «Дюран Дюран», мы использовали передачу о коммерческом женском боксе. Мысль о том, как сделать «Каждый твой вздох» для «Полис», родилась после просмотра архивных документов о джазе 40-х годов. Для «Рок ит» Херби Хенкока мы вспомнили передачу о роботах.

Мондино: Клипы — это прежде всего новое пространство для изложения содержания песни, заключенной в ней истории. Это пространство слишком велико для рекламы и слишком мало для короткометражки — всего четыре минуты... Никогда раньше нам не приходилось укладываться в четыре минуты. И из-за отсутствия привычки нам часто недостает «литературности», которая, чтобы там ни говорили, помогает расставлять все по местам, создать основу того, что мы делаем, «склеить» изображения.

Иногда бывает очень досадно — у тебя полно кадров, снимков, но между собой они никак не стыкуются. Все трещит по швам, и ничего нового не получается. Это объясняется тем, что видеоклипы — это прежде всего музыка. А музыка — это три вещи в одной: Танец — ты приходишь в дискотеку танцевать; Сцена — ты зритель; наконец Мечта — ты сидишь дома, ставишь пластинку и начинаешь мечтать.

Клипы должны делаться так, чтобы их хотелось смотреть по многу раз. Если все понятно с первого предъявления, это провал, так как там больше нечего открыть. Для меня, чтобы по-настоящему понять пластинку, ее нужно слушать больше месяца. Когда я что-то слышу впервые, я обычно не понимаю. При этом я каждый раз пытаюсь разделить мое впечатление на три темы. Клипы, где только две «темы», слишком примитивны, в них все слишком ясно. Три темы — уже лучше.

Вот, например, Брайан Ферри. В одном из моих клипов он играет звезду, суперзвезду рок-н-ролла. История такая: пару лет назад он исчез и теперь возвращается — с неба. После двух лет ему страшно опускаться на землю. Его ждут фотографы. Они его мучают. Они думают, что он снова будет играть

АНГЛИЙСКАЯ ПЕВИЦА ЙАЗЗ (полностью — Йасмин Ивенс) сама научилась играть на гитаре, освоила премудрости электронной музыки — и вот первый большой успех: «Единственный путь — наверх!». Сегодня Йазз предпочитает работать в соавторстве, ее последний альбом «Разыскивается» записан сообща с другими музыкантами. Йазз, живая и общительная, интересуется не только модой (когда-то она была манекенщицей) и музыкой. Она участвует в экологическом движении, борется против расизма и апартеида.

ЕСЛИ НЕ ЛИДЕРОМ, то, во всяком случае, сердцем группы «Краш» считают Кассиуса Кемпбелла, хоть он и не владеет никакими музыкальными инструментами, однако своим рождением группа из Ноттингема обязана именно ему. Кемпбелл убедил Марка Гэмбла, строителя по специальности, записать на собственные средства песню «Домашний арест». Уже работая в студии, друзья услышали симпатичный женский голосок — из соседнего помещения. Рутджой понравилась песенка, и Кассиус, Марк и Рутджой образовали трио «Краш».

РОБ ФИШЕР уже считал себя неудачником. Судите сами: он работал с одной из диско-групп, но рассорился и ушел — а группа стала знаменитой. Потом он подыскивал девушек для сопровождения, прослушал множество кандидаток, и ни одна ему не понравилась — а среди них была «некая» Мадонна! Когда он встретился с САЙМОНОМ КЛАЙМИ, между ними сразу возникло взаимопонимание. Однако Фишера не отпустили из его старой группы, ему пришлось выступать все положенные по контракту три года. И все же дуэт состоялся, а в результате — хит «Любовь меняет все».

АВСТРАЛИЙСКАЯ ГРУППА «INXS» (произносится «ин иксес», то есть «в изобилии») образовалась в 1977 году. Первоначально она называлась «Братья Фаррисс», поскольку в ее состав входят три брата: Тим — гитара, Эндрю — клавишные и Джон — ударные. Кроме них, в группе еще три музыканта: Майкл Хатченс — вокал, Керк Пенгилли — гитара, саксофон и Гэрри Гари Бирз — бас-гитара.

В 1980 году вышла первая пластинка, в 1983 пришел успех на родине, в 1986 — в США. Последний альбом группы — «Kick» — уже больше года находится в хит-парадах.

плейбоя. Но ему уже сорок лет, у него двое детей. Женщины, которых он видит вокруг себя, ему не подходят. Это женщины из витрин, подобия женщин. И когда в конце он берет на руки ребенка и говорит «I'm slave to love» («Я — раб любви»), это больше чем та любовь, которую может дать плейбой. В сорок лет любовь другая, глубже... И все это домысливается из одной лишь фразы — «Я — раб любви».

Корреспондент: Всегда ли хороший видеоклип — это хорошая песня? Или напротив, как бывает в кино с экранизациями литературных шедевров, хорошую песню сложнее «иллюстрировать»?

Годли и Крим: Закономерностей никаких нет. Конечно, песня не должна быть абсолютно бездарной, но ведь по-настоящему прекрасных песен не так уж и много. Когда мы делаем клип, то все «литературные» соображения идут побоку. Мы думаем картинками. Мы видим изображения, навеянные музыкой. Для нас главное, чтобы песня — хорошая она, или так себе — вызывала у нас зрительные образы. А уж что это за образы...

Мондино: В песне должно быть настоящее чувство, и она должна пробуждать у меня, слушателя и создателя клипа, ответные эмоции. Чтобы было над чем работать. Что-то выделить, подчеркнуть. Поэтому я не очень люблю работать над шлягерами, в шлягерах обычно уже нечего открывать.

Корреспондент: Считается, что в хороший клип нужно вложить уйму денег. Словом, опять: клип не искусство, а коммерция?

Годли и Крим: Хороший клип совсем не обязательно стоит бешеных денег: как правило, клип удается, когда у режиссера есть идея. Если ее нет, то режиссер снимает не кадры, а метры. Дорого стоят плохие ролики. Впрочем, после появления клипов с Майклом Джексоном появилась мода на сумасшедшее количество статистов. Верх берут старые рефлексы сорить деньгами.

Мондино: Все эти разговоры о стоимости видеоклипов — ерунда. Принц делает свои ролики за один день, и они стоят три франка. Дело в том, что у него талант. Его можно снимать все равно где, все равно как, у тебя получится отличный клип. То же можно сказать о Томе Уэйтсе. Я бы смог снять его за два часа. Он просто поет. Я бы сказал: «На углу улицы ты поешь песню». И получился бы великолепный ролик. У «Токинг хэдз» клипы хорошие и недорогие. А «Дюран Дюран» делают ролики дорогие и неинтересные. Главное, чтобы клипы делали люди, любящие музыку, а не неудавшиеся кинематографисты.

**Перевел с французского
Кирилл ИОРДАНСКИЙ**

ЭТУ ХРУПКУЮ МИЛОВИДНУЮ ДЕВУШКУ ЗОВУТ ОФРА ХАЗА. На родине, в Израиле, ее давно уже считают суперзвездой № 1, а всемирную известность ей принесло исполнение... йеменских народных песен. Бурю эмоций вызвали в Европе и удивительные сценические наряды Офры. Уже более тысячи лет девушки в Йемене и в некоторых израильских деревнях надевают перед свадьбой черный, расшитый золотом и украшенный золотыми монетами костюм. На свадьбе невеста одета в белое, с роскошным головным убором.

НАСТОЯЩЕЕ ИМЯ ДЖОРДЖА МАЙКЛА — Йоргос Кириакус Панайоту, родился он в 1963 году в Лондоне.

Он мечтал о карьере летчика, но врачи обнаружили у Джорджа дальтонизм, и ему ничего не оставалось делать, как стать певцом. В 1982 году вместе с Эндрю Риджели он организовал дуэт «Уэм!», вскоре получивший мировую известность. В 1986 году дуэт распался, и Джордж начал сольную карьеру, увенчавшуюся выпуском альбома «Вера», который стал бестселлером.

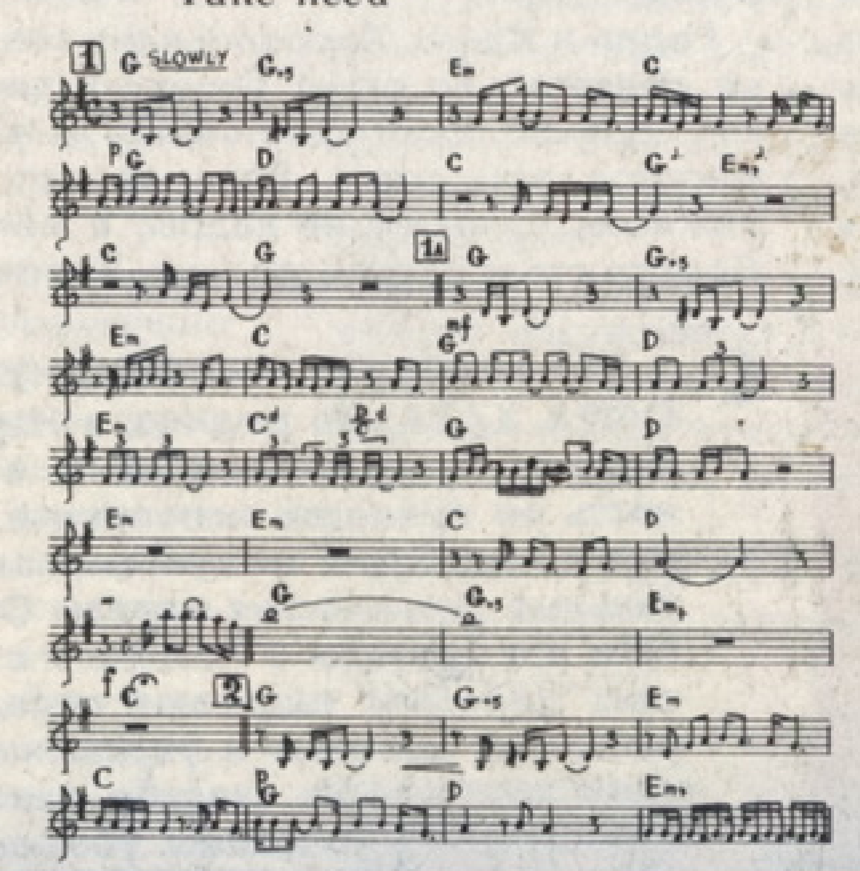

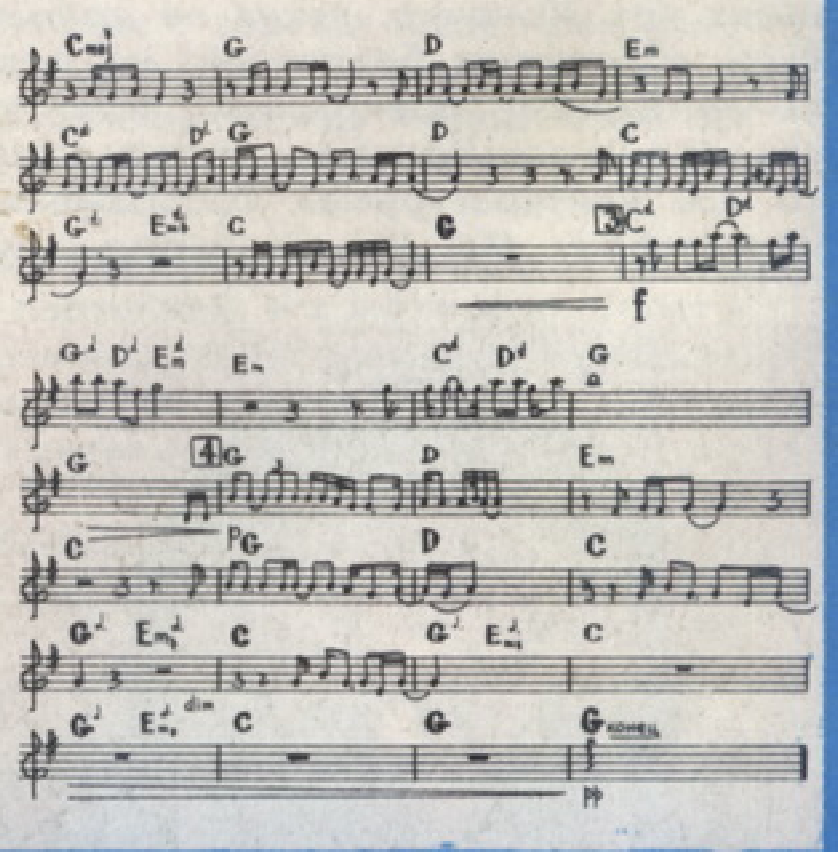
«Вниз сквозь облака скользят воспоминания, они спешат ко мне. Где-то там, между небом и уголком чужой земли, у меня был сон, у меня был сон... Здесь герои старых войн медленно ковыляют по улицам, здесь можно во весь голос говорить о сомнениях и страхах, и никто больше не исчезнет без вести, и больше никогда их стандартные призывы не постучатся в дверь... Все делается по закону, и больше никто не убивает детей... Ночь за ночью сон этот приходит ко мне, сон артиллериста в дальнем краю чужой земли. Он спит, и что сделано, не воротишь...» — это строки из песни «Пинк Флойд» «Сон артиллериста», и входит она в пластинку 1983 года «The Final Cut».

Floating down through the clouds
Memories come rushing up to meet me now
In the space between the heavens
And in the corner of some foreign field
I had a dream
I had a dream
Goodbye max
Goodbye ma
After the service when you're walking
slowly to the car
And the silver in her hair shines
in the cold november air
You hear the tolling bell
And touch the silk in your lapel
And as the tear drops rise to meet
the comfort of the band
You take her frail hand
And hold on to the dream

A place to stay
Enough to eat
Somewhere old heroes shuffle safely
down the street
Where you can speak out loud
About your doubts and fears
And what's more no one ever disappears
You never hear their standart issues
kicking in your door
You can relax on both sides of the tracks
And maniacs don't blow holes
in bandsmen by remote controle
And everyone has recourse to the law
And no one kills the children anymore
And no one kills the children anymore

Night after night
Going round and round my brain
His dream is driving me insane
In the corner of some foriegen field
The gunner sleeps tonight
What's done is done
We cannot just write off his final scene
Take heed of his dream
Take heed

Ровесник

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

«Ровесник» отвечает на письма читателей.
Начало самых страшных войн XX века. Записки современников.
Комфортабельная тусовка. Заметки нашего спец. корра из Будапешта.
Вудсток: взгляд из 80-х.
Вы спрашивали: «Металлика».

ИНДЕКС 70781
ЦЕНА 35 КОП

